Роман Суржиков

Стрела Монета Искра

Том I

Книга 2019 года
по версии Fantlab

В номинации
"Лучший роман/авторский сборник отечественного автора"

Полари

Роман Суржиков

Стрела, монета, искра. Том I

«ИП Головин»

2019

Суржиков Р.

Стрела, монета, искра. Том I / Р. Суржиков — «ИП Головин», 2019 — (Полари)

Полари – мир фантастического Средневековья. Суровые и жестокие нравы здесь соседствуют с диковинными ростками будущего, мечи и арбалеты – с первыми электростанциями и железными дорогами. Император Адриан ведет государство нелегким путем реформ и прогресса. Могущественные феодалы плетут изощренные интриги, поднимают мятежи в борьбе за власть. Церковь также пользуется огромным влиянием, ведь в мире Полари никто не сомневается в существовании богов. Боги не стоят в стороне: они шлют людям дары – непостижимые Священные Предметы. Писание гласит: в Предметах таится великая сила, способная исцелять болезни, управлять стихиями, разрушать преграды. Секрет этой силы утерян много веков назад…

© Суржиков Р., 2019
© ИП Головин, 2019

Содержание

Монета 5
Стрела 13
Искра 27
Монета 34
Стрела 41
Искра 55
Конец ознакомительного фрагмента. 56

Роман Суржиков
Стрела, монета, искра. том 1

Монета

21 марта 1774 года от Сошествия Праматерей
Смолден, герцогство Альмера

Смолден – так зовется городок на самом востоке герцогства Альмера, среди рыжих глинистых холмов, у худосочной речушки Змейки. Вместо крепостной стены город окружен земляным валом с частоколом поверху – скорее для порядка, чем ради защиты. Надвратная башня срублена из бревен – добротная, широкая, приземистая, похожа на хряка, сидящего на заднице. Ворота распахнуты настежь, двое копейщиков точат лясы в теньке, миролюбиво поглядывают на путников. В Смолдене рады приезжим, особенно в базарные дни.

От Привратной площади начинается мостовая. Звякая подковами и погромыхивая ободами, она ведет в глубь городка, постепенно взбирается на центральный холм. Глинобитные и деревянные домики стоят неплотно, хватает места для двориков и переулков. Сохнет на веревках белье, шествуют вдоль обочины гуси; здесь на приступке у входа сидит серьезный чумазый мальчишка, там – рыжий кот. Люди стекаются в центр, к Рыночной площади, по дороге сбиваясь в кучки, шумно переговариваясь. Ближе к собору и выше по холму дома становятся каменными, вырастают до двух этажей. Над входом одного покачивается медный кувшин, подальше – жестяной крендель, напротив – башмак. Из погребка, заманчиво раскрывшего дубовую дверь, несет кислым духом мерзкого здешнего вина.

Собор в Смолдене огромен, могуч и уродлив. Хармон давно заметил: чем меньше город, тем больше собор. Города, обделенные красотой и славой, не жалеют денег на храм – единственный свой предмет гордости. По мнению Хармона, пустая трата: заезжих дворян не удивишь этим, а святым Праматерям, почившим семнадцать веков назад, наверняка плевать на размер храма. Южный фасад собора стоял в лесах, и недостроенная башня сучковато торчала в небо, зато северная возвышалась над Рыночной площадью величественною громадой. В тени ее помещался целый квартал. Медный диск со Священной Спиралью над порталом был размером с ветряную мельницу, певучие трубы, опоясавшие верхушку башни, сияли под солнцем, как алмазы. Они выводили песнь воскресного утра, и казалось, что над Смолденом торжественно воет ветер.

Рыночная площадь была полна люда. Вдоль краев площади развернулись лотки и телеги торговцев, стягивая к себе половину толпы, другая половина теснилась в центре, окружив помост и шатер лицедеев. Именно здесь, на Рыночной площади городка Смолдена, Хармон Паула Роджер пришел к решению нанять нового охранника.

Толпа гоготала, посвистывала, выкрикивала. Хармон любил толпу: среди людей ему делалось тепло и весело, а еще – хорошо думалось. Придя поздно, он терся в задних рядах и думал про Доксета – старого солдата, что вот уже пятнадцать лет служил Хармону охранником. Вчера на постоялом дворе Доксет подошел к Хармону и пропел с елеем в голосе:

– Хозяин, время-то пришло… Служу тебе, служу, хозяин… вот и заслужил что-то, а?

Хармон дал ему пару серебряных агаток, и это было ошибкой. Пара агаток – почти богатство, по меркам Доксета. Одну монету старый служака спрятал в сапог, а вот вторую, вторую-то… Это же целая агатка, и притом – вторая, считай, лишняя! Словом, сегодня поутру Доксета нашли спящим на дороге у входа в гостиницу – одолеть три ступени подъема он так и не смог. Снайп, Вихренок, гостиничный слуга, сам Хармон поочередно пытались разбудить охранника. Хармон преуспел больше других: когда он вылил на голову Доксету ведро воды,

тот перевернулся на спину, потер ладонью глаз, приоткрыл его, проблеял: «Хозяи-и-ин…» – и уснул вновь.

И вот теперь Снайп с Вихренком остались стеречь Луизу и товар, который она продавала с телеги у постоялого двора, а Хармон бродил по Рыночной площади один. Пустота за левым плечом, где полагалось бы быть охраннику, веяла неприятным холодком, кошель серебра на боку чувствовался особенно уязвимым.

«Доксет израсходовался, – думал Хармон. – Был, да заржавел. Толку от него – что от треногой клячи. А одного Снайпа для охраны мало, нужен еще. Вихорь с Вихренком – крестьяне, чего с них взять. Бычки неповоротливые, из оружия владеют только оглоблей. Не такой мне нужен».

А нужен был Хармону человек такого сорта, с каким не стыдно войти в замок, в светлицу барона. Нужен был воин – всамделишний, не сгнивший, как Доксет, и не дезертир, как Снайп. Воин в кольчуге, с добрым полуторным мечом на ремне, а то и с луком за плечами. Статный, широкий в плечах, чтобы толпы, вот как эта, сами собой чудесным образом перед ним расступались. Сам Хармон был широк… но безоружен, наделен округлым брюшком, а ростом не выше плеча желаемого воина, так что толпа и не думала расступаться перед ним, и приходилось работать локтями вовсю, дабы пробиться в первые ряды. А зрелище того стоило, судя по возбужденным, радостным или досадливым воплям. Хармон придерживал кошель левой рукой, правым плечом вперед протискивался сквозь людскую массу и думал: «Лучше всего подошел бы рыцарь». Тут же он сам себя и одернул: «Рыцарь? Тебе в охранники? А не размечтался ли, дружище? Может, тебе еще кайра из Первой Зимы подавай? Или благородного барона?» И тут же поспорил с собой: «Ну, а что? Всякие бывают рыцари. Есть и бедные, есть и нищие. Положим, была у рыцаря деревня, да мором выкосило. Или был у рыцаря сеньор – да помер, не оставив потомства. И что же теперь? Пойдет он в стражу наниматься – куда еще!» На это Хармон Паула мог бы себе многое возразить, но зрелище, что открылось в просвете меж людских спин, на время отвлекло от размышлений.

На помосте шли потешные бои.

Скоморохи, устроители зрелища, зазывали людей из толпы:

– Найдутся ли смельчаки в Смолдене?! Кто рискнет выйти на помост и бросить вызов самой судьбе? Кто повергнет противника прямо в самую глубину пучины и заработает своим искусством кружку-другую золотых… медяков?

Скоморохов было трое: невысокий шустряк в пестром шутовском камзоле с бубенцами, улыбчивая рыжая девица в платье и белом передничке, а еще нарочито напыщенный тип в высоченной шапке из древесной коры. Шапка изображала сторожевую башню – видимо, в подражание герцогскому гербу Альмеры. Она съезжала то на глаза, то на затылок скомороху, и тот поправлял ее, бурча под нос заковыристые проклятия. Пестрый же бегал вдоль края помоста, надрывая горло:

– Неужто сей город погряз в мирной жизни? Неужто забыли воины вкус меча и запах жеребца?!

Недостатка в желающих сразиться не было – добрая дюжина человек теснилась у входа на помост. Скоморохи зубоскалили и тянули паузу, чтобы подогреть страсти, а заодно присматривали пары бойцов позабавнее. Наконец, вывели на помост мальца лет одиннадцати и толстяка с прорехой на рубахе, в которую светилось брюхо.

– Выбирайте себе оружие по руке, славные воины!

Оружие оказалось под стать затее: кривое копье с апельсином на конце, палица из связки соломы, мешок кукурузных огрызков, деревянный меч в патоке… Имелась и броня: пара подушек, связанных веревками, винный бочонок с прорезями для рук, шлем из деревянной миски, шлем из тыквы. Малец выбрал крупную редьку на веревке, привязанной к концу палки на манер кистеня, и, недолго думая, пошел в атаку. Толстяк едва успел схватить бочонок и отра-

зить удар, однако остался безоружен. Малец теснил его, скакал по помосту, безумно вращая редькой и залихватски посвистывая.

– Какое коварство!.. – орал скоморох. – Бесеныша обуяла жажда крови! Он не дает вооружиться доброму рыцарю бочонка и кружки! Доспехи рыцаря уже трещат под ударами!

Толстяк наконец прорвался сквозь град ударов и схватил со стойки апельсиновое копье. Он победоносно взревел и взмахнул оружием, надеясь попасть сорванцу по голове, но не тут-то было. Мальчишка присел на корточки, по-лягушачьи прыгнул в сторону и избежал копья, затем – вновь. Когда толстяк замахнулся в третий раз, малец был уже возле его ног и стукнул редькой по голени.

– О-о-о-о!.. – вскричал пестрый скоморох. – Как больно! Бедный рыцарь пал на одно колено!

Толстяк не упал, да и боли, видимо, никакой не чувствовал. Но замешкался, не зная, как быть, и тут мелкий изловчился подпрыгнуть и попасть ему прямо по затылку.

– Победа-а-а! Победа мелкого бесеныша! От страшного удара в голову рыцарь бочонка потерял глаз! Он полетел вон туда, за корсет доброй госпожи! Госпожа, будьте милосердны, верните глаз славному воину!

Зрители хохотали, улюлюкали и бросали на помост медяки. Рыжая девица весьма ловко собрала их в передник, а мужик с башней на голове вручил половину улова мальцу.

– Ну, кто следующим рискнет испытать удачу?! Помните: победители трех боев сойдутся меж собою в судьбоносном решающем поединке!

Хармон Паула увлекся зрелищем. Новые и новые бойцы вопили и кидались друг на друга, скоморохи паясничали, зрители шутили и гоготали. На помосте оказывались разные люди, в том числе и крепкие, сноровистые, явно не чуждые настоящему оружию. Однако зрители охотней приветствовали и щедрей награждали тех, кто выглядел странно и смешно, а держался пусть неумело, зато дерзко. Любимцами толпы стали малец-бесеныш; огромный кузнец, весь заросший черными волосами, будто шерстью; косоглазый паренек, что дрался в шлеме-тыкве, а после победы сорвал его с головы и жадно отгрыз кусок. Однажды на помост взобралась даже женщина – крупная грудастая матрона.

Хармон смеялся вместе со всеми, пару раз швырял на помост медяки, однако наметанным глазом присматривался к бойцам. Конюхи, кузнецы, пьяницы и дети мало интересовали его. Он выискивал тех, кто походил на настоящих воинов. Пусть оружие было шутовским, но стойка бойца и манера двигаться быстро выдавали навык. К тому же эти люди не страдали избытком гордости, раз уж вышли на потешные бои. Неплохое качество – отсутствие гордости.

Вскоре Хармон присмотрел того, кого искал. Парень был молод, но статен; выходил на бой с обнаженным торсом, и мышцы бугрились по груди и спине. У него были длинные каштановые волосы, темные усики и бородка. Черты лица правильные, даже красивые; принарядить его – глядишь, сойдет за благородного. Парень трижды выходил на помост и всякий раз выбирал деревянный меч, липкий от патоки. Почуяв сноровку, скоморохи ставили против него людей покрепче, но парень побеждал почти без труда. Он хорошо владел мечом – по крайней мере, хорошо по меркам рыночной площади Смолдена. Противники уходили, почесывая ушибы, все в темных пятнах патоки, а победитель вскидывал «клинок» в салюте. Денег ему бросали немного: зрителям не нравилось, что парень слишком серьезен.

В решающем поединке Кровавый Красавчик (так окрестили его скоморохи) сошелся со Зверем-Кузнецом. Кузнец взял копье с апельсином в правую руку и булаву из свиного окорока – в левую, Красавчик вновь вооружился липким мечом. Затем скоморохи завязали обоим глаза. Башнеголовый заявил:

– Истинный герой одолеет противника и вслепую, ибо руку его направляет…

– Нюх?.. – предположил пестрый.

– Боги!

Бой начался. Кузнец ринулся в атаку, размахивая копьем. Он надеялся нащупать противника длинным оружием, а затем огреть окороком. Красавчик держал меч наготове и пару раз умудрился парировать удар копья, но не развивал успех, а только кружил по помосту. Он явно робел, не зная, как вслепую подойти к противнику. Окрыленный успехом, кузнец ревел все громче, орудовал копьем все яростней и в конце концов сбил шапку с башнеголового. Кора разлетелась на кусочки, скоморох взревел:

– Будь проклят черенок лопаты, вырывшей гнилую яму для твоего паскудного зерна, никчемное древо!

Кузнец повернулся на голос, а Красавчик атаковал. Меч свистнул у самой груди кузнеца, и тот, ощутив движение воздуха, взмахнул одновременно копьем и окороком. Но Красавчик отбил копье, уклонился от окорока и треснул деревяшкой по руке кузнеца.

– Северный Зверь лишился лапы! Его грозная булава упала наземь! Истекая кровью, он все же…

Кузнец и вправду выронил окорок, но правой рукой перебросил копье назад, перехватил поближе к острию и, когда Красавчик замахнулся для нового удара, сделал мощный выпад. Апельсин пришелся прямо в голую грудь парня и брызнул соком во все стороны. Красавчик отлетел и шлепнулся на задницу. Толпа взорвалась хохотом. Скоморохи сняли с бойцов повязки и присудили победу кузнецу. Монеты щедрыми брызгами посыпались на помост.

Когда парень сходил по ступеням, Хармон перехватил его взгляд. Злость, досада, обида. Обиды – больше всего. Как раз то, что надо.

Хармон пробился к нему и взял за плечо.

– Как тебя звать?

– Тебе-то что?.. – буркнул Красавчик.

– Есть работенка для парня с мечом. У тебя ведь имеется меч?

– Имеется.

– Гостиница «Желтая гусыня», время вечерней песни. Захочешь – приходи.

С тем Хармон Паула и оставил его.

Вторую половину дня Хармон провел у лотков местных торговцев. Разглядывал товар, находил изъяны, нещадно сбивал цену, заговаривал зубы купцу, уходил к соседям, возвращался. «Так до чего мы договорились, добрый хозяин? Восемь монет за кувшин? Десять?.. Отчего же мне так хорошо запомнилось – восемь?» Он приобретал стекло и бронзу, посуду и мелкую утварь – то, чего в Альмере испокон водилось в избытке. Он выбирал предметы поизящней и покрасивее, редкие, необычные, чем-то притягивающие взгляд. Примечал их сразу, с первого взгляда на лоток, но для виду начинал осмотр совсем с других товаров, даже торговался за них. Затем невзначай переключался на то, что изначально его интересовало: «А это что за штука? Зеркальце? Взять, что ль, и его – жену порадовать… да мелковато, в этакое ее мордашка-то и не уместится…» Хармон прекрасно знал, что зеркала большего размера всегда выходят плохого качества – изламывают, раздувают или сжимают отражения. В этом же, крохотном, все виделось ясным и четким, как дно горного ручья. «Не-э-эт, хозяин, ты не говори мне – хороший товар, ты скажи – дешевый. Жена меня что спросит, как домой вернусь? Сколько монет привез – вот что она спросит!»

По правде, сейчас товар не очень-то интересовал Хармона. Он делал свое дело как следует, но предвкушал изюминку нынешнего дня – покупку человека. Хороший торговец покупает людей и продает себя – сегодня эта фраза имела прямой смысл.

Хармон Паула Роджер вернулся в гостиницу незадолго до вечерней песни. Оставил улов, взял у Луизы дневную выручку и расположился в гостиничной харчевне. К его удовольствию, за одним из столов обретались двое в куртках городской стражи, недавно сменившиеся с

дежурства, если судить по вальяжным позам и туповатым сытым ухмылкам. Хармон подсел к ним, угостил обоих элем и повел неторопливую беседу.

Стражники любили благодарных слушателей. А кто же не любит?

– В Альмере? Как дела-то?.. Да как всегда: люди трудятся в поте лица, знать богатеет, – рассказывал первый стражник, розовощекий и мордатый. – Все своим порядком идет – у нас в Альмере всегда так, по порядку.

– Ну уж не всегда, – вставил второй. – В соборе вот маляр полстены расписал, а потом деньги взял, работу бросил да и сбежал. Ищи теперь пташку в небе.

– Да что ты! – поразился Хармон.

– Это еще ладно, – перехватил нить первый стражник, – а вот на южной-то башне строитель с лесов упал! С самого верху. Прямо внутрь собора!

– Наружу, – поправил второй.

– Внутрь. Если бы наружу упал, полгорода бы сбежалось, и все бы знали.

– А если внутрь, то вышел бы дурной знак, и собор бы закрыли.

Мало-помалу переключились на дела имперские. Восток Альмеры прилегал к Землям Короны – они начинались в паре миль за рекой. На этом основании стражники считали себя знатоками имперской жизни.

– А слыхал ты, что наш владыка Адриан нынешним летом намерен жениться?

– Слыхал, – ляпнул Хармон, и стражник тут же помрачнел. Зато второй вклинился:

– Но это еще, знаешь ли, не наверно. Летом, как будут игры, Адриан станет выбирать себе невесту. Но ведь еще не точно, что выберет. А ну как не выберет?

– Как это не выберет? Ты думай, что говоришь! Он же владыка! Решил выбрать – значит, выберет.

– И кого же он выберет, может, ты и это знаешь, умник?

– Кого-кого… Мало ли кого выбрать можно. Девиц там в столице – их же видимо-невидимо, притом все благородные. Вот хоть бы Бекку Наездницу…

– Лошадницу из Литленда? – Стражник едко заржал, весьма по-лошадиному. – Скажи еще – медвежью жену с севера!

К слову о медведице, Хармон рассказал про потешные бои. Стражники загоготали. Как раз тогда в харчевню вошел Красавчик. Сейчас он еще больше соответствовал прозвищу: поблескивали металлические бляшки, которыми был усилен нагрудник из вываренной кожи, меч и кинжал вложены в расшитые узором ножны, на голове был стальной полушлем, на лице – надменная ухмылочка. С плеч спадал зеленый плащ и несколько портил собою картину, поскольку зеленым он был, пожалуй, с год назад, а с тех пор выгорел, вылинял и сделался серо-салатовым с желтизной.

Хармон махнул ему – мол, сядь вон там и подожди. Городские стражники обратили внимание на Красавчика:

– Это еще что за птица? Хармон, знаешь его?

– Он пришел наниматься ко мне в охрану, – невинно сообщил Хармон и тут же получил с дюжину советов.

– Не бери его, – посоветовал краснолицый стражник. – Видишь – щеголь какой, и морду воротит, будто благородный. Станет тебе привередничать: еду получше, вино послаще, постель потеплее, да оплату побольше, и все равно недоволен. Знаем таких.

– Бери, – посоветовал другой. – Шлем и бляшки на броне, видишь, хорошо начищены – значит, не ленив. Высокий, здоровый, а сила многое решает. Мечом владеет, меч – хорошая штука.

– Дело твое, Хармон, – проскрипел первый. – Но если решишь брать, то обязательно вели сперва двадцать ведер воды принести, потом – яму вырыть, потом – телегу распрячь. Вот

коли сделает все не пикнув – значит, можно брать. А станет нос воротить – значит, щенок благородный, с таким хлопот не оберешься.

– И меч его проверь, – посоветовал второй. – Спроси, где кован – в замке или в деревне, спроси, закалка двойная или тройная. А то меч плохой будет – сломается в первой драке, а новый по монетке-то ударит.

Дальше стражники перечислили недостатки экипировки Красавчика, потом перекинулись на его коня, которого не видали, но легко вообразили, и принялись обсуждать плоды воображения. Парень в линялом плаще сидел за своим столом в другом конце зала, цедил какое-то пойло и хмуро поглядывал на них, все больше теряя терпение. Наконец стражники сошлись на мнении, что хороший конь для воина – это кобыла, не крупная и не мелкая, а холкой этак под шею всаднику, поджарая, с развитой грудью и непременно гнедая. Хармон распрощался с ними и пересел за стол Красавчика.

Первым делом он окинул взглядом наручи парня. На плаще Хармон не заметил никакого герба, на наручах – тоже. Затем посмотрел в лицо Красавчику, прочел на нем нетерпение и раздражительность, однако и не подумал просить прощения.

– Меня зовут Хармон Паула Роджер, – сказал торговец и умолк.

– Я – Джоакин Ив Ханна, – ответил воин.

Ханна? Имя бабки, а не отца? Чадо благородных?.. Но выяснять это сразу Хармон не стал, а с полной серьезностью произнес:

– Ты хорошо дрался сегодня.

– Да ну… – отмахнулся Джоакин.

– Потешный бой, шутовское оружие. Понятно, что все это – насмешка над воинским делом. Но ведь умение-то и с деревянным мечом заметно.

На лице Джоакина отразилась несуразная смесь смущения, самодовольства и стыда.

– Ну, да… – выдавил парень и порозовел.

– Я приметил тебя утром и подумал: а этот парень знает толк в сражениях. В нынешнее-то время, да еще в Альмере, нечасто такого встретишь.

«Сражением» утреннюю возню на помосте назвать было сложно, скорей уж мордобоем или потасовкой. Но Хармон знал, что именно слово «сражение» придется парню по сердцу. И верно, тот зарделся пуще прежнего.

– И, как я понял, ты путешествуешь. Скитаешься по миру, ищешь приключений – верно?

– Это как ты понял? – переспросил Джоакин.

Вообще-то Хармон заметил это по видавшему виды плащу воина – не одну сотню миль надо проехать, чтобы привести плащ к подобной плачевной старости. Однако вслух сказал:

– Альмера – земля мещан, ремесленников, а у тебя лицо воина. Ты прибыл из краев посуровей, чем здешний. Может, с Запада?

Хармон не сомневался, что Джоакин родом из Южного Пути, – это слышалось по выговору. Любопытно было, соврет ли он на сей счет.

– Я с Печального Холма, что в Южном Пути, – честно ответил Джоакин.

– И ты – сын дворянина?

– Сын рыцаря, – уточнил Джоакин.

– Но сам – не рыцарь?

Джоакин помотал головой.

– И отчего же так вышло? Сын рыцаря, хорошо владеющий мечом, не служит своему сюзерену, не становится защитником родной земли, а пускается в странствия?

Парень хмуро вздохнул.

– Наша деревня – однощитная. Мой отец – рыцарь. Он передал свой щит первому сыну – моему старшему брату. Второй сын – средний брат – служит старшему оруженосцем. Я – младший брат.

Хармон невольно усмехнулся и тут же исправился, добавил в усмешку печали и сочувствия. Чего-то подобного он и ожидал. Извечная беда мелкой знати: крохотные феоды, отпущенные ей, способны содержать одного тяжелого всадника, в лучшем случае – двоих. Лишним сыновьям остается скудный выбор: торговать мечом или ходить за плугом.

– Кому ты уже служил?

– Барону Бройфилду на севере Альмеры.

– Почему ушел от него?

– Мы… разошлись в вопросах чести.

«Барон тебя выгнал, – решил Хармон. – Еще и не заплатил. Интересно знать, почему?..»

– А кроме Бройфилда?

– Прежде я был в войске графа Рантигара, мы бились за Мельничные земли.

Хармон присвистнул. Вот этого он не ожидал!

– То есть ты побывал на большой войне?

Джоакин кивнул со сдержанной важностью. Да уж. Насколько знал Хармон по рассказам, прошлогодняя Война за Мельницы была суровой резней. Графу Рантигару достало ловкости и полководческого таланта, чтобы склепать из разномастных западных рыцарей, ополченцев и наемников довольно крепкое войско в двенадцать тысяч мечей. С ним он перешел Гулкий брод и вторгся на спорные Мельничьи земли. Бароны-Мельники не сразу сумели объединиться, и Рантигар захватил один за другим четыре замка, а затем выиграл трудную битву в полях, развеяв баронские отряды. Однако Мельники оборонялись отчаянно и упорно, огрызались из-за крепостных стен, налетали с полей легкой конницей. Войско Рантигара наступало, но таяло. В конце концов дело решило вмешательство…

– Насколько я помню, – сказал Хармон, – вы потерпели поражение.

– Против нас выставили кайров. Первая Зима прислала Мельникам свой батальон, – холодно пояснил Джоакин. – Мы тоже просили помощи Первой Зимы, как и Мельники. Но герцог помог им, а не нам.

И правильно сделал, по мнению Хармона. Если отбросить вычурные дворянские словечки, то, чем занимался Рантигар, называлось бы резней и грабежом. Однако участие в этой бойне делало честь Джоакину как воину, в особенности – тот факт, что он вышел из нее целым.

– Ну что же, приятель, расскажу-ка я теперь о себе.

И рассказал.

Хармон Паула Роджер – торговец. Без малого двадцать лет он колесит по востоку империи, покупает то, что есть в избытке, везет и продает там, где этого не хватает. Шелк, бархат, сушеные фрукты – в Альмеру, стеклянную и бронзовую утварь – в Южный Путь, серебро и копченые колбасы – в Земли Короны. Ему принадлежат девять лошадей, два фургона и открытая телега. Служат Хармону шесть человек. Нередко он торгует на городских площадях, откинув задний борт фургона. Если предложат хорошую цену, сбывает весь товар скопом кому-то из местных торговцев. Но главный доход приносят Хармону благородные. При этих словах Джоакин оживился, и Хармон подмигнул ему. Да-да, благородные. Только не те дворяне, что разъезжают по городам блистающими процессиями с гербами на попонах; не те, что пляшут на столичных балах и похваляются на играх и турнирах; не те, что собирают войска и рубятся друг с другом за ценные земли. Нет, иные. Есть в империи немало дворян, сторонящихся шумной светской жизни. Кто стар, кто устал, кто нелюдим, а кто слишком умен для всей этой кутерьмы. Они живут в своих замках и поместьях, редко выезжая даже в ближайший город. Вот к ним-то и наведывается в гости Хармон Паула Роджер и предлагает товар – купленный за много миль, отлично подобранный под вкус хозяина и хозяйки.

– И много у тебя… м-м-м… покупателей?

– Пара дюжин зажиточных рыцарей, несколько баронов в Альмере, несколько – в Южном Пути.

– Тебя принимают в их замках?

– И за их столом. – У Джоакина загорелись глаза, и Хармон не сдержался: – И в постелях их жен.

Парня перекосило. От возмущения или от зависти – этого Хармон не разобрал. Торговец сжалился над ним:

– Учись понимать шутки – пригодится в жизни.

Джоакин сдержанно улыбнулся и только теперь спросил:

– Сколько ты платишь?

Важная штука – вопрос о цене. Задать его в нужный момент – немалое мастерство. Кто мнит себя ловким дельцом, поспешит с вопросом и этим лишь выдаст свое нетерпение и заинтересованность. А неопытный простофиля, напротив, затянет дело и заговорит о цене лишь тогда, когда крючок с наживкой уже глубоко войдет в его глотку. Джоакин затянул с вопросом.

Хармон назвал сумму. Она была много выше той, что получает старина Доксет, и чуть побольше той, которую имеет Снайп. Однако вдвое меньше денег, что платят наемному мечу в походе, и может статься, даже меньше жалованья смолденского городского стражника. Очень даже может статься.

Джоакин скривился, как от кислого вина.

– Ну, приятель, мы же не на войне, – примирительным тоном сказал Хармон. – Ты будешь спать в фургоне или в гостиницах, есть будешь досыта, а Луиза, к слову сказать, недурно стряпает. Жизнь твоя не окажется в опасности, в шкуре не появится новых дырок, кроме тех, которые предусмотрели боги. А наибольшие подвиги, что от тебя ожидаются, – поколотить нахального бродягу или отсечь пару пальцев карманнику.

– Но ты – торговец…

«Ах, вот оно что! Для тебя, стало быть, слишком мало чести – служить мне. На это намекаешь?»

– А ты – наемник, – ровно произнес Хармон, исподлобья глядя в глаза Джоакину. – Притом нищий наемник.

Джоакин вскинулся.

– Я не наемник!..

– Ну, а кто? – так же ровно отрезал Хармон. – Ты не рыцарь, не оруженосец, не ополченец, у тебя нет сеньора, и ты продаешь свой меч за деньги. Продаешь даже скоморохам. Как же тебя назвать, приятель?

Джоакин смешался и отвел взгляд. Хармон встал.

– Значит, вот как сделаем. Я пойду спать. Завтра с утра мы трогаемся в путь. Хочешь служить мне – приходи. Не хочешь – уедем без тебя. Да, и вот что. До утра научись говорить мне «вы». А слово «хозяин» мне нравится еще больше.

Хармон Паула Роджер не сомневался, что молодой воин придет утром к постоялому двору. И он пришел, а верней, приехал. Под ним была поджарая гнедая кобыла.

Стрела

22 марта 1774 г. от Сошествия
Первая Зима, герцогство Ориджин

Карета скрипнула рессорами, сойдя с верхней точки перевала, – словно вздохнула с облегчением. Эрвин очнулся от дремоты и глянул в окно. Дорога плавно уходила вниз, змеясь по склону, и справа возносились к облакам хмурые утесы, а слева… Долина на миг ослепила Эрвина. Она была изумрудным пятном, манящей оттепелью среди скал, весенним цветком, пробившимся сквозь снег. Домики крестьян под соломенными крышами – аккуратные, крохотные при взгляде с птичьего полета – казались золотистыми кусочками свежего хлеба. Между ними то там, то тут рассыпана сахарная пудра. Невозможно рассмотреть крупицы с расстояния в добрый десяток миль, но Эрвин знал, что это – отары овец. А у восточного края долины лежал подлинный алмаз – голубое озеро. Город прирастал к нему, втискивался в уютный просвет между водой и скалами, а герцогский замок врезался в озеро, черным клыком засел в его синеве. Если по правде, то нужно признать: родная долина весьма красива. Блистательна той особой красотою, какой бывают наделены лишь женщины и песни, крайне редко – строения и места.

– Ничто прекрасное не должно пахнуть нищетой, – сказал Эрвин и подмигнул городу, лежащему внизу. – Можешь не поверить, но терпеть осталось недолго. Я принес тебе спасение.

Карета начала спуск, набирая ход.

Чертовски странно – возвращаться домой с чувством предвкушения. Эрвин хорошо знал, чем встретит его родная земля. Древний город, полный солдат и нищих; фамильный замок, напряженный и хмурый, как воин на часах; отцовские вассалы с каменными масками вместо лиц; сам отец, обладающий дивной способностью вложить угрозу в любое слово или движение, даже в молчание. И сестра – редкий проблеск света. Через неделю Иона выйдет замуж. Ее супругом станет граф Виттор Шейланд – правитель судоходной реки Торрей и узкой полоски прибрежной земли. Отец Виттора был банкиром, дед – купцом. Ни славой, ни могуществом, ни древностью рода он – не чета Ионе. До такой степени не ровня, что свадебные торжества будут выглядеть дурной комедией. И несмотря на все это, Эрвин чувствовал предвкушение.

Я сделаю кое-что. Я принесу перемену. Таков будет мой свадебный подарок, дорогая Иона! Десять поколений великих предков – славных военачальников и доблестных рыцарей – не смогли побороть единственного противника: бедность. А я смогу! Забавно, правда? Я – не рыцарь, не полководец, я – белая ворона. Однако тем, кто вернет славу Первой Зиме, буду именно я. Ты оценишь иронию, любимая сестричка.

Окончив спуск, карета прошла несколько миль петляющей пыльной дорогой и вкатилась в город. Он почти не изменился: те же аккуратные узкие дома в три окна, сжатые в плотную линию; остроконечные башни храмов и хмурые приземистые казармы; торговые ряды, крытые красной черепицей; арочный акведук, протянувшийся с гор, и очереди у водяных труб; гранитные всадники на площади Славы и чумной монумент на площади Милосердия… Эрвин придирчиво разглядывал улицы Первой Зимы, высматривая признаки бедности, – и, к своему удовольствию, находил их в достатке. Поврежденные мостовые, истерзанные щелями; обвалившаяся штукатурка на фасадах; толпы попрошаек на папертях, унылая тишина у торговых рядов. Прекрасно!

А вот и собор Светлой Агаты – величавая громада, увенчанная сотней шпилей и охраняемая полчищами химер. Их – этих каменных чудовищ всевозможных размеров и мастей – здесь имеется триста тридцать шесть (если считать и двух забавных крылатых поросят, притаившихся под водостоками южной башни). Но странно: западный придел собора стоял в лесах, а вдоль его фундамента пролегала глубокая траншея, в которой возились люди с лопатами.

Что происходит? Треснул фундамент, проседает стена? Храм требует срочного ремонта? То, что нужно! Милость богов – не иначе! Отец ревностно относится к собору Агаты. Он может смотреть сквозь пальцы на обнищание горожан, но для ремонта храма станет искать средства любой ценой. А значит, он будет сговорчивее!

– Благодарю тебя, святая Праматерь! – Эрвин с улыбкой поклонился скульптуре Светлой Агаты над фасадом собора. – Трещина в фундаменте – отличная задумка! Я всегда знал, что могу на тебя положиться.

Приметив кареты с гербами дома Ориджин, строители принялись выкрикивать приветствия. Горожане на площади вторили им:

– Милорд Эрвин!

– С возвращением, милорд!

– Слава Ориджинам! Слава Ориджинам!

Мать бросила бы им пригоршню серебра. Иона помахала бы тонкой рукой и улыбнулась с таким трогательным румянцем, что впору всплакнуть от умиления. Отец… отцу было бы плевать, кричат ли ему что-то. Эрвин София Джессика рода Агаты, наследный герцог Ориджин, так и не научился отвечать на приветствия черни – в них ему неизменно слышалась насмешка. Он задернул шторку на окне кареты.

Экипаж пересек мост и остановился за первой, низкой стеной замка, во внешнем дворе. Эрвин раскрыл дверь и нетвердыми с долгой дороги ногами ступил на родную землю. На родной булыжник, если быть точным, – тщательно вымытый, но все же отдающий конским навозом, забившимся в щели.

Как назло, двор был полон людей, и появление лорда не осталось незамеченным. Его мигом окружили, осыпали приветствиями. Слуги схватили кладь, поволокли; кто-то желал Эрвину здравия, кто-то кланялся, кто-то салютовал; служанки поодаль откровенно таращились, перешептываясь; верховые кайры в красно-черном, эскортировавшие его, замерли над толпой. Конные статуи отцовского могущества. И – мой инструмент. Мой прекрасный, решающий довод! Эрвин махнул рукой всаднику:

– Кайр, я желаю увидеть отца, и поскорее. Доложите обо мне!

– Слушаюсь, милорд.

Воин исчез. Кто-то сунул в руку Эрвину кубок орджа – горького пойла, разящего шишками. Он влил в себя весь кубок одним залпом, надеясь быстрей отделаться, скривился, с трудом выдохнул.

– Слава молодому герцогу!

– Долгих лет семье Ориджин! Долгих лет Первой Зиме!

Эрвин стоял среди толпы, как болван, хрипя обожженной глоткой. И что же, мне торчать здесь, с челядью, пока отец не соизволит принять? Почему никто из семьи меня не встречает?!

Едва он успел подумать об этом, как увидел Иону. Сестра… Хрупкая фигурка из белого фарфора, очень подвижные, тревожные губы, темные-темные глаза, чуть рассеянные, словно подернутые дымкой… И пестрые перья попугаев, вплетенные в смоляные волосы, и кружево снежной шали – ореол радужных искр вокруг лица.

– Я счастлив видеть вас, леди Иона София. – Эрвин поцеловал ей руку с лукавой улыбкой.

Глаза сестры шаловливо сверкнули.

– И я несказанно рада вам, лорд Эрвин София, – церемонно поклонилась она ему. – Встаньте же и будьте моим добрым гостем. Разделите со мной радость, вино и хлеб.

И потянула его за руку в глубь двора, ко входу в теплицу. Едва дверь закрылась за ними, Иона обняла его. Эрвин ощутил, что она дрожит.

– Тебе холодно?

– Мне всегда холодно… Почти, – шепнула она и провела ладонями по его щекам. Пальцы были горячими.

– Как я справляюсь? – спросила Иона, разомкнув объятия. – Я о приветствии. Неплохо выходит, правда? Мне предстоит встретить пять сотен гостей… или тысячу… а может, весь Север. Иногда кажется, что я буду первую неделю заниматься лишь приветствиями, а вторую – лишь прощаниями.

– Ты прекрасна, – сказал Эрвин, покачав головой, – но приветствие… м-м-м…

Отступил на шаг, задрал подбородок, глядя чуть в сторону, протянул руку.

– Милорд… я рада… будьте моим гостем. Говори через силу, будто нехотя. Понимаешь? Поменьше душевности, совсем мало. А то еще решат, что ты и вправду им рада.

Тревожные губы сестры искривились наподобие улыбки, верхняя чуть поджалась, едва-едва обнажив зубы.

– Милорд, будьте моим гостем и разделите мой хлеб. Свою душевность оставлю при себе, если вам угодно.

– Да, много лучше, – согласился Эрвин. – Ты – принцесса Севера. Все эти гости недостойны тебя – ни по отдельности, ни вместе взятые.

– И жених?

– Он – в первую очередь. Жених – предводитель тех, кто тебя недостоин. В его руках знамя.

Иона улыбнулась:

– Не могу понять, ты маскируешь ревность заботой или высокомерием? В любом случае, у тебя скверно выходит, ты это знаешь?

– М-м-м…

Когда не находишься с ответом, задай встречный вопрос.

– Как твое здоровье?

Иона сорвала цветок азалии, понюхала, помахала перед носом у брата.

– Это – неважный вопрос.

– Тогда такой: чего нового в Первой Зиме?

– И это не имеет значения.

– Кто будет среди гостей?

– Нет, нет, ужас! Спроси о том, что действительно хочешь узнать!

– И что же я хочу узнать?

– Ты хочешь спросить, счастлива ли я невестой. И боишься в одночасье и того, что я несчастна, и того, что слишком счастлива. Твое сердце замирает от волнения при мысли, что муж мой окажется бесчувственным камнем и в Шейланде я выплачу все глаза от тоски по тебе и матери, а дальше провалюсь в нескончаемую череду беременностей и истеку кровью, выдавив на свет очередное графское чадо. Но потом ты воображаешь, что я без памяти влюблена в графа Виттора и забуду вас, едва ступив на корабль. Ты представляешь, как после двух или трех лет моего молчания ты приедешь в Шейланд под скверным политическим предлогом, и я выйду к тебе в фамильных цветах мужа, без малейшего намека на перья в волосах, и протяну руку, глядя вот так, чуть в сторону: милорд… войдите, будьте нашим гостем. Да, именно – нашим. И тогда ты…

Эрвин схватил ее за плечи и как следует встряхнул.

– Да будь ты проклята, сестрица! Ответь уже наконец!

Оба рассмеялись, утихли, и на губах Ионы осталась мягкая улыбка.

– Отвечу. Я счастлива. Счастлива, что уеду отсюда. Никогда не была в Шейланде и не знаю, что там, как там. Знаю одно: там будет иначе. Возможно, не будет холодно. Наверное, не будет скал и лугов, а будет лес и большая река с кораблями. Может статься, будут дожди и грязь, может, мои платья будут всегда серыми и мокрыми, как дворовый пес. Но, может, там мне и не захочется вплетать перья. Возможно, вокруг будут люди с живыми лицами, возможно, они станут смеяться или плакать, или кричать от гнева и топать ногами от обиды… но не

выхватывать мечи и рубить обидчика на куски, при этом ни на миг не меняясь в лице. Там все будет иначе, Эрвин, и я счастлива.

– Но?..

– А есть «но»?

– Есть. Ты говоришь все это ради «но», которое пойдет следом.

– Но. – Иона поймала его взгляд, взяла за руку. – Я не уверена, что люблю графа. Я счастлива, но едва ли люблю его. Он – забавное создание, к которому я смогу привыкнуть.

Эрвин взял у нее цветок и приложил к губам сестры.

– Все изменится, очень скоро. И самое удивительное – все изменится к лучшему!

Иона округлила глаза:

– Ведь ты говоришь не о свадьбе?

– О, нет! Я о тех переменах, что привез с собой. Дайте мне поговорить с отцом – и я переверну мир.

– Что ты хочешь сделать?

– Хочу найти нашего с тобою родителя и убедить его сказать одно-единственное слово: да!

– Так мало?..

– Все остальное уже сделано, сестрица! Нужен только последний шаг.

Он вышел из теплицы, увлекая Иону за собой.

Замок был полон гомона и движения. Завтра прибудут первые гости, а сегодня столица Ориджинов наряжалась, чистила перья, готовила угощения и забавы. Крестьянские телеги одна за другой вкатывались на подворье, и слуги окружали их, бойко расхватывали груз, волокли в погреба сыры, колбасы, солонину, мешки муки; катили бочонки вина и орджа; уносили в залы огромные связки разнотравья. Служанки, звонко перекрикиваясь, развешивали по балконам башен, галереям крепостных стен ленты и цветы. Мальчишки вели в конюшню нескольких жеребцов, а те артачились и всхрапывали, возбужденные людской кутерьмой. Городские купцы толпились у ворот кладовой, спорили о чем-то с кладовщиками; носильщики сгружали с телег короба с товаром, складывали угловатой кучей на краю подворья. В небо взметнулась пробная шутиха и гулко бахнула, каменные стены отбросили эхо.

Завидев Эрвина, большинство кланялись или салютовали, с улыбкой приветствовали:

– Слава Первой Зиме! Здоровья молодым лорду и леди!

– Они действительно так рады мне, – спросил Эрвин скептически, – или сказывается веянье грядущего праздника?

– Даже не сомневайся, рады. Не отнекивайся, – улыбнулась Иона.

Пожалуй, в этом была доля правды. Замковая челядь и низкородные горожане любили герцогских детей сильнее, чем самого герцога с его вассалами. Они видели в молодых Ориджинах больше человечности. Хотя, по меркам Первой Зимы, это могло бы сойти за оскорбление.

У дверей малой трапезной, как и у входов в башни, стояла пара часовых. Черные плащи, черные шлемы и алые камзолы поверх кольчуг, на груди каждого – фамильная летучая мышь Ориджинов со стрелою в когтях. Часовые молчали; с приближением Эрвина они положили ладони на рукояти мечей – в знак бдительности. Когда-то Эрвин спросил отца, зачем в замке столько стражи, если уже полвека герцоги не знали вассальных мятежей. «Это нужно не для нас, а для самих воинов, – ответил отец. – Необходимо умение, чтобы нести вахту».

– Я ищу лорда Десмонда, – обратился Эрвин к воинам. – Не здесь ли он случайно?

– Не знаем о его светлости, милорд. Здесь, в трапезной, ваша матушка, милорд.

Вот незадача! Эрвин жаждал увидеть отца. Полгода расчетов, хитроумных переговоров, иносказательных бесед, обещаний, угроз – всего того, из чего плетется ткань политики. Затем – месяц дороги в размышлениях и ожидании нынешней встречи. Один-единственный разговор

с отцом, одно-единственное «да» должно увенчать все старания! И Эрвину не терпелось его услышать.

Однако, если сейчас уйти, мать будет оскорблена, что сын не захотел повидаться с нею. Что ж… Эрвин раскрыл дверь малой трапезной.

Герцогиня София Джессика Августа являла собою суть и смысл светской жизни Первой Зимы. Не будь ее – замок жил бы лишь турнирами и воинскими посвящениями. Она же привносила в Первую Зиму душу.

Леди София поощряла музыку и живопись, устраивала певческие состязания, открывала театры. По-детски радовалась каждому найденному ею таланту, столь же бурно разочаровывалась. Неизменно приходила к выводу, что люди пусты, поверхностны, грубы и недостойны ее стараний, однако не оставляла своей деятельности. Заботясь о душах горожан, она изматывала епископа и святых отцов требованиями прочесть проповедь на ту или иную тему, вступала в теологические споры, обвиняла в безразличии и глупости. Затем, добившись желаемого, жертвовала церкви огромные суммы и следила, чтобы деньги были истрачены исключительно на фрески и скульптуры.

Не меньше пятисот золотых эфесов в год герцогиня раздавала полудюжине госпиталей, ею же учрежденных. При этом она почитала медицину грязным, омерзительным ремеслом, брезговала появляться в палатах и никогда не интересовалась, на что расходуются ее пятьсот эфесов. Эрвин подозревал, что добрая половина этой суммы оседает в карманах госпитальных управителей.

– Мой милый Эрвин!.. – Всплеснув ладонями, герцогиня вышла навстречу сыну и стремительно поцеловала в обе щеки. – Как ты добрался? Дорога развлекла тебя или утомила?

Не дав ему времени ответить, мать сама же продолжила:

– Южный Путь так мучительно безвкусен, так пуст… Люди мельтешат на станциях, кричат, торгуют, желают чего-то. Я истощаюсь, находясь среди них. Хочется ночевать в поле, а в городах вовсе не открывать дверей экипажа. Лишь горы приносят успокоение…

Эрвин попытался заверить леди Софию, что доехал хорошо, сохранив душевное и телесное здоровье. Герцогиня положила ладонь сыну на плечо, давая понять, что слышит его, а сама обернулась в сторону слуг на приставных лестницах, развертывающих по стене яркое полотнище.

– Нет же, нет! О, боги! Что вы делаете? Это «Сошествие Праматери Янмэй», в нем столько празднества! Ему следует висеть вон там, против южных окон, и оно заискрится. Сюда поместите нечто помягче, что-нибудь тенистое…

– «Агата в гроте косули»? – предложила Иона.

– Да, да, словно с губ сняла!

Эрвин огляделся. Три гобелена уже нашли свое место на стенах, еще несколько полотнищ слуги с величайшей осторожностью переносили по залу. Люстры свисали с потолочных стропил так, чтобы выгодно освещать те или иные фрагменты полотен. В воздухе висела щиплющая мелодия, навевающая то ли мечтательность, то ли зеленую тоску.

– Миледи, гобелены?.. – удивился Эрвин.

– Да, дорогой! Ты тоже чувствуешь, как они хороши здесь? В замковой часовне для них было слишком мрачно.

– Но это же малая трапезная, она – для слуг!

– Только не во время свадьбы, мой милый. Челядь разместится во дворе, под открытым небом. Здесь будет музыкальный салон. – И громче, слугам: – Свечи выше – те, что возле Праотцов! Праотцы пасмурны, как им и подобает, а пятно света на лицах все испортит.

Музыкальный салон?.. Эрвин поднял брови. В замке Первой Зимы – этом угрюмом бастионе? Что ж, возможно, и неплохая идея. Это развлечет первородных гостей и смягчит суровость замка, а графиня Сибил Нортвуд позеленеет от зависти, что само по себе забавно. Но

вот мастерство музыкантов оставляло желать лучшего. Клавесин, арфа и свирели мучительно старались попасть в унисон, но никак не справлялись с трудной задачей. Одна из свирелей уносилась галопом вперед, словно конница авангарда, клавесин рысил следом, арфа погружалась в отрешенное самосозерцание. Именно она и придавала оттенок тоски. Судя по одежде, свирели были из группы бродячих артистов, а клавесинист и арфистка – горожане Первой Зимы.

– Крестьянское ополчение идет в бой, – прокомментировал Эрвин. – Чудеса выучки и дисциплины.

– Не рань мое сердце еще глубже, жестокий отпрыск, – вздохнула герцогиня. – Они довольно неплохи каждый в отдельности, хотя вместе еще не сыгрались. Но я поработаю с ними вечером, ночью и завтра также.

Масштаб подготовки неприятно поразил Эрвина. Эта свадьба – жест отчаяния! Праздновать ее так бурно – все равно что выставлять напоказ собственный позор!

Да, возможно, Иона радуется отъезду из Первой Зимы – сам Эрвин тоже радовался, отправляясь в столицу. Да, может быть, со временем, сестра полюбит мужа. Но то и другое не имеет значения. Виттор Шейланд не высокороден и чертовски богат. Любой, у кого имеется в голове хоть унция мозгов, сделает из этого очевидные выводы. Великий Дом Ориджин проиграл очередную схватку с нищетой и выплачивает дань победителю.

Эрвину захотелось крикнуть во весь голос: «Остановитесь! Снимите проклятые гобелены, прекратите репетицию! Отмените этот праздник унижения!» Но – рано. Требуется отцовское «да», а до тех пор Эрвин не в силах повлиять на что-либо.

– Мама, расскажи мне, – учтиво спросил молодой лорд, – как ты живешь? Что на душе?

Взгляд леди Софии уплыл к небу.

– Весна ли, свадьба ли… Я ощущаю проблеск теплого света, словно иду навстречу восходящему солнцу. Хочется, неймется передать это – тебе, Ионе, отцу, всему миру. Света может быть так много, его на всех хватило бы! Я жажду, чтобы все его почувствовали, и не могу найти способ. Все так тщетно…

Эрвин украдкой переглянулся с сестрой.

Два года назад нечто сместилось в душе герцогини. Рихард Ориджин – краса и гордость северного рыцарства, старший сын леди Софии – отплыл каравеллой из Беломорья, направляясь на юго-запад, в Закатный Берег. Экспедиция не была военной, молодой лорд Рихард по поручению отца должен был провести несложные переговоры с западниками, потому взял всего один корабль эскорта. Обе каравеллы исчезли без следа – не пришли в Закатный Берег и не вернулись в северные воды.

С тех пор герцогиня София Джессика вела с богами непрерывный мысленный, лишь ей одной понятный диалог. Она словно верила, что существует какой-то, хоть сколько-нибудь значимый ответ…

Леди София продолжала с упоением в голосе:

– Святые отцы ничего не знают, я давно убедилась в этом. Их слова – эхо других слов, а те были эхом третьих, а те – четвертых… Цепочка призраков. Во всем этом слишком мало жизни. Лишь творения богов – Священные Предметы – даруют подлинный свет. Эрвин, дорогой, ты непременно должен отправиться со мною в святилище. Я хочу научить тебя смотреть на Предметы моими глазами – в них столько радости!

– Да, миледи, – покорно кивнул Эрвин.

– Я составлю вам компанию, – подбодрила брата Иона, тронув за локоть.

– А верно ли говорят, – обратилась к Эрвину мать, – что император Адриан также близко заинтересовался Священными Предметами? Правда ли, что он изучает божественные творения в надежде раскрыть их тайны, научиться говорить с ними?

– Да, миледи. Владыка Адриан поручил такую задачу магистрам Университета Фаунтерры.

– Как мудро! Предметы – это высшая истина, воплощенный свет! Они способны озарить и преобразить любую, даже самую ничтожную душу…

Невпопад резкая трель испортила концовку речи, и герцогиня воскликнула в сердцах:

– Прекратите, бездари! Утихните! Я займусь вами позже!

Эрвин пришел к выводу, что уделил матери достаточно времени, и дань вежливости отдана сполна. Спросил:

– Как отец? Занят ли он? Где могу его найти?

– Отец… – Леди София Джессика скатилась с небес на землю. – Десмонд. Он неизменен. Есть люди, стоящие выше перемен. Однако он приготовил для тебя кое-что.

– Для меня?

– Да, мой милый. У Десмонда припасена одна задумка, и тебе отводится в ней важная роль. Надеюсь, тебе придется по душе. Я была бы счастлива оказаться на твоем месте.

Весьма странно! Отец никогда не отводил ему важной роли в чем-либо.

– И какова его задумка? – спросил Эрвин, но не успел получить ответ. Черно-алая фигура воздвиглась за его спиной.

– Милорд, отец желает видеть вас.

Эрвин повернулся к человеку. Если вдуматься, это забавно до дрожи: толщина каменной маски на лице – столь же верный показатель родовитости, как и количество имен. Данный утес зовется Артур Эльза Мей рода Глории, посвященный кайр, барон Хайрок и кастелян замка Первой Зимы. Левая рука герцога.

– Да, кайр, я иду.

Едва они покинули малую трапезную, Артур хмуро сообщил:

– Вам следовало поприветствовать отца прежде, чем мать и сестру.

– Тьма, я и пытался это сделать с момента своего прибытия! Ваши люди потратили целый час, чтобы доложить обо мне!

Дальше шли молча, гулко выбивали шаги по галереям, по винтовым каменным ступеням. У дверей отцовской комнаты двое красно-черных воинов разом положили руки на эфесы мечей. Двое кайров здесь? Парадный караул? Никак, к моему приезду, сообразил Эрвин, и тут же на ум пришло памятное с детства: шестое правило общения с отцом – никогда не улыбайся, даже стоя за его дверью. Он вошел в комнату.

Герцог Десмонд Ориджин стоял спиной к сыну, у бойницы, упершись руками в стену. На нем была простая серая рубаха без ворота, но даже в ней он казался неуязвимым, словно закованным в броню. Тяжелая седая голова сидела на короткой шее. Фигура бога-быка, которому поклоняются кочевники на Западе…

Отец обернулся, и Эрвин склонил голову.

– Желаю здравия, милорд.

Герцог кивнул кастеляну:

– Можешь идти, Артур.

Тот ушел, хлопнула дверь.

– Эрвин… подойди.

Он подошел, герцог пожал ему руку.

– С возвращением, сын. Как сложилась дорога?

Эрвин сдержал бровь, поползшую было вверх. Сколь странная вежливость родителя!

– Дорога была легкой, милорд. Я старался добраться поскорее.

– Вот и хорошо. Садись.

Эрвин сел, герцог протянул ему кубок. Проклятая традиция – пить за встречу. Мерзкий, мерзкий ордж. На этот раз Эрвин почти не скривился.

Герцог осведомился о делах в столице, о Палате Представителей, о здоровье императора. Эрвин заверил, что столица процветает, Палата являет неизменную мудрость, а владыка

Адриан – здоров и полон сил. Эрвин добавил, что счастлив служить империи столь же преданно, как и родной Первой Зиме.

– Это похвально, – кивнул герцог. – Рад слышать.

– Как обстоят дела на Севере, милорд? Каковы новости?

Эрвин прекрасно знал, что все новости сводятся к тем или иным затратам и новым тысячам эфесов, взятым взаймы. Разумеется, отец не станет говорить об этом – великий лорд презирает беседы о деньгах. Но он подумает о деньгах – как раз это и нужно Эрвину.

– Все своим чередом, – ответил отец.

– Я видел леса у собора Светлой Агаты. Случилось нечто? Храм требует ремонта?

– Отнюдь. Я принял решение расширить усыпальницу, в связи с этим идет строительство подземной часовни и реконструкция западного придела. Как ты знаешь, необходимость назрела давно.

Эрвин постарался скрыть удивление. Усыпальница Ориджинов под фундаментом храма Светлой Агаты – это, по сути, подземный собор размером в половину своего надземного собрата. Усыпальница имеет свой алтарь, трансепты, нефы, капеллы. Она огромна, как сказочная пещера, и освещается искровыми лампами – свечные огоньки бесполезны в таком пространстве. Усыпальница уходит в глубь земли на сотню футов, ее своды опираются на колоссальные гранитные колонны и держат на себе фундамент собора Агаты. Склепы, которых в усыпальнице почти полсотни, врыты еще глубже в землю, к ним ведут крутые каменные лестницы. Как-никак, великие предки должны покоиться поближе к Подземному Царству.

Усыпальница переполнена, и уже давно его светлость Десмонд Ориджин высказывал мысль о необходимости достроить второй зал. Останавливала чудовищная стоимость сооружения. Первую усыпальницу строили общими усилиями несколько поколений Ориджинов. Неужели отец сумел найти такие средства?!

– Милорд, позвольте спросить – во что обойдется строительство?

– Точная сумма расходов еще не определена. – Тон отца сделался раздраженным. – Первые затраты составят около тридцати тысяч эфесов.

Эрвин присвистнул.

– Милорд, откуда… – Внезапно он понял, откуда взялись средства. – Иона?..

– Это в столице тебя обучили такой манере ставить вопросы? Ты не в столице. Говори четко и ясно.

Четкость и ясность – порою это весьма на пользу. Можно сформулировать вопрос так, что он станет красноречивей утверждения.

– Милорд, вы смогли позволить себе строительство благодаря выкупу, который заплатил за леди Иону банкир Шейланд?

Разумеется, Эрвин выделил интонацией титул сестры и профессию жениха. Герцог процедил:

– Не думаю, что это касается тебя. Выкуп уплачен, и я распорядился им, как счел нужным.

Давить на отца – опасное дело. Однако сейчас на стороне сына могущественный союзник – нищета. Необходимо, чтобы отец задумался о ней – ощутил глубину пропасти, вязкость дна под ногами. Тогда он одобрит план Эрвина.

– Каково ваше отношение к этому браку, милорд?

– Я позволил брак. Кажется, этим мое отношение выражено ясно.

– Граф Шейланд происходит из рода девятой Праматери. Его дед был купцом, отец – банкиром, он и сам не оставил банковское дело. Считаете ли вы, милорд, что он достоин называться нашим родичем?

– Ты оспариваешь мое решение?

– Нет, милорд. Я хочу вас понять.

Отец угрюмо качнул головой.

– В том и беда. Ты пытаешься понять вещи, которые лорду должны быть очевидны.

О, я понимаю много больше, чем вы думаете! В частности, милорд, мне ясно, что вы – в тупике. И даже продажа единственной дочки отсрочит крах на год, возможно, на два, но не больше. Как мудро и дальновидно, что вы вложили львиную долю выкупа в строительство огромной могилы и не погасили хотя бы часть наших бесчисленных долгов!

– Я убеждаюсь, – продолжил герцог, – что мое решение отозвать тебя из столицы было совершенно правильным.

А вот это уже нечто новенькое!..

– Отозвать из столицы?..

– Какое из этих слов тебе неясно?

– Я полагал, что прибыл на свадьбу сестры, милорд.

– Не только. Ты нужен мне здесь, на Севере. Я хочу, чтобы ты начал постигать науку, которую не преподают в Университете.

Нужен на Севере? Нет, милорд, я нужен в столице! И отправлюсь туда, как только вы дадите согласие.

– Милорд, о какой науке идет речь?

Вместо ответа его светлость подозвал Эрвина к бойнице, указал в проем:

– Что ты видишь там?

Эрвин видел изумрудную долину с овечками и крохотными крестьянскими домиками. Что хотел услышать отец – догадаться было трудно.

– Долину Первой Зимы, милорд. Сердце герцогства Ориджин.

– И как, если уж говорить твоим языком, бьется это сердце? Ровно? Мощно?

Молодой лорд округлил глаза. Отец сам начинает ту тему, к которой Эрвин пытался подступиться? Что за удачный день!

– Мы беднеем, отец. Мы почти нищи, – с выверенным холодком в голосе отчеканил Эрвин. – Два столетия назад батальоны наших кайров держали в страхе весь Север и Запад, в Первую Зиму текла золотая река податей и даров. Столетие назад мы лишились значительной части наложных земель – Корона передала их новым фаворитам, боясь нашего усиления. Но войны шли одна за другой, наши услуги требовались Короне, и она щедро вознаграждала нас. Последние же полвека… Мир и стабильность в империи – наша погибель. Красно-черные батальоны – по-прежнему грозная сила, но герцогству едва хватает денег, чтобы содержать ее. Что я вижу за окном, милорд? Соломенные домики с несчастными крестьянами, из которых мы выжимаем последние соки, чтобы прокормить и вооружить двадцать пять тысяч многоопытных убийц.

Эрвин перевел дух. Герцог медленно кивнул и сел.

– Хорошо, что ты понимаешь это. Признаться, я думал порою, что судьба родной земли и вовсе не волнует тебя. Я рад своей ошибке.

– Да, отец.

– Раз ты осознаешь наше положение, спрошу: не думал ли ты о том, как исправить дело?

Думал?! Ха! Ха-ха! Я посвятил последний год тому, чтобы сконструировать свой план, вдохнуть в него жизнь, заручиться поддержкой нужных людей, привести механизм в движение!

– Милорд, я весьма часто думал об этом. Более того, всю дорогу до Первой Зимы я жил надеждой посвятить вас в свои мысли.

– С большим удовольствием выслушаю, – благодушно наклонил голову герцог. – Приятно, что ты начинаешь размышлять как лорд.

Эрвин прочистил горло. Он множество раз продумывал эту речь. По правде, он даже ее репетировал.

– Милорд, как вы знаете, владыка Адриан готовит большие изменения в жизни империи Полари. Традиционно, лишь Земли Короны платят Династии постоянный налог. Все Великие Дома – правители графств и герцогств – обязаны Короне военной службой и другими вассальными повинностями, но не податью. Налог платят только те правители земель, кто желает откупиться от военной службы, а таких немного.

Герцог кивнул.

– Но аппетиты императора растут, – продолжал Эрвин. – Владыка Адриан тянет сеть рельсовых дорог. Он многократно заявлял: его мечта – соединить рельсами всю империю, так чтобы пересечь ее из края в край можно было бы меньше чем за месяц. Это чудовищная задача, грандиозный труд. Чтобы устроить это, потребуется в разы больше золота, чем Корона имеет сейчас. Существует лишь один мыслимый способ получить столько денег: обложить податью Великие Дома. Отменить вассальную службу для всех земель и заменить ее налогом.

– Правильно, – вновь кивнул герцог. – Наши представители в Палате докладывают, что именно таково и есть намерение императора. Но к чему ты ведешь?

– Великие Дома противятся налогу. Отмена воинской службы – удар по чести, а подать – удар по кошельку. Мало кто хочет лишиться одновременно и меча, и монеты. Особенно теперь, в спокойное время, когда военная служба столь мало обременительна. Начинается конфликт. Он достигнет вершины в сентябре: состоится заседание Палаты Представителей. Император выставит на голосование закон о налоге. Он не сможет ввести в действие реформы без поддержки хотя бы половины Палаты. Сейчас же на стороне императора лишь два Великих дома из тринадцати.

Отец согласно кивнул. Все шло на диво легко, Эрвин несся к цели, как стрела, выпущенная умелой рукой. Задним фоном мелькнула мысль: нет ли подвоха в подобной легкости?.. Однако в плане Эрвина не могло быть изъянов: все слишком тщательно рассчитано и выверено, все учтено!

– Владыка Адриан планирует исправить положение и привлечь на свою сторону недостающие голоса при помощи весьма эффективного инструмента: собственного брака. Император заявил, что этим летом заключит помолвку. Имеются три претендентки на корону правительницы, за спиною каждой стоят коалиции из нескольких Великих домов. Выбрав одну из невест, владыка Адриан получит в Палате поддержку соответствующей коалиции. Однако каждая претендентка имеет свои весомые недостатки, которые я опишу отдельно, если потребуется. Выбрав любую из них, император понесет определенный политический урон и окажется в уязвимом положении. Если говорить грубо, среди трех вариантов брака нет идеального. Владыке было бы выгоднее отложить помолвку либо выбрать невесту не из числа трех претенденток, которых сватают ему Великие Дома. Но тогда он не получит нужной поддержки в Палате, и его рельсовые реформы будут провалены. Как видим, император находится в затруднительном положении, если не сказать – тупиковом.

Эрвин выдержал драматическую паузу, придавая значимости своим следующим словам:

– Я нашел способ, как помочь владыке решить это затруднение.

Лишь несколько раз в жизни он видел своего отца удивленным – и сейчас был один из тех случаев. Герцог склонил голову, придвинулся, навис над столом с выражением величайшей заинтересованности.

– И что же это за способ?

– Милорд, мне удалось собрать свою собственную коалицию. В нее входят четыре Великих дома и еще одна значимая сила. Моя коалиция готова поддержать императорские реформы независимо от его брака. Тем самым он получает надежную опору в Палате и свободу в выборе невесты.

– Твоя коалиция?.. – переспросил герцог.

– Да, милорд.

– И кто же в нее входит, позволь узнать?

Эрвин перечислил – звонко отчеканил четыре имени. Три великих лорда-землеправителя и его преподобие архиепископ Фаунтерры. Договор с каждым из них был его гордостью, подлинным произведением искусства дипломатии!

– Конечно, я также рассчитывал на вашу поддержку, милорд, – добавил Эрвин, глядя в глаза отцу.

– Ты рассчитывал на мою поддержку? – Зрачки герцога сузились.

– Простите, милорд, я выразился дерзко. Я имел в виду следующее. Моя коалиция ожидает вашего согласия, чтобы начать действовать. Вам стоит лишь сказать «да» и позволить мне говорить от вашего имени.

– Что же произойдет, если я дам согласие?

– Мы поддержим императора на осеннем голосовании, и его реформы будут приведены в жизнь. Взамен он даст нам…

– Он даст нам взамен? – переспросил герцог и почему-то нахмурился. Эрвин не придал этому значения.

– Да, милорд. Император возьмет на содержание треть нашего войска, тем самым понизив наши расходы на сто пятьдесят тысяч эфесов в год. Кроме того, половина наших долгов Короне будет прощена. Но и это еще не все. Мы получим также…

Эрвин глубоко вдохнул и назвал главный приз. Нечто, о чем герцоги Ориджин мечтали на протяжении нескольких поколений. То, что решило бы все вопросы с деньгами.

Это должно было стать решающим аргументом, которому отец не смог бы противиться. Однако густые брови герцога сдвинулись к переносице. Конечно, слишком много чисел упомянуто в монологе! Отец на дух не переносит бесед о деньгах. Нужно перевести на его язык.

– С бедностью будет покончено, – сказал Эрвин. – Великий Дом Ориджин станет в один ряд с богатствами Альмеры, Надежды и королевства Шиммери. Первая Зима засияет новыми зданиями и искровыми огнями. Подземная усыпальница покажется мелочью – с такими деньгами мы легко выстроим новый собор. Милорд, мы можем даже отказаться от унизительного брака Ионы! Подберем ей достойного кавалера рода Светлой Агаты! Прошу вас, дайте согласие – и мы не будем больше знать потребности в деньгах.

Эрвин умолк, ожидая ответа.

Тогда лорд Десмонд склонил набок свою бычью голову и медленно, размеренно произнес:

– Дай-ка уточню, правильно ли тебя понял. Ты предлагаешь продать императору то, что и так принадлежит ему, да еще и выжать оплату побольше?

– Что?.. Отец, я не…

Герцог опустил руку на стол, Эрвин вздрогнул от стука и замолк.

– Милорд. Зови меня – милорд. Наша верность, наши мечи, наша поддержка уже принадлежит императору по закону крови – нашей крови и его. Я не поверил ушам, когда ты сказал, что намерен продать владыке мечи нашего войска!

– Милорд, но владыка благосклонно отнесся к моему предложению!

А вот этого говорить не стоило. Надо было почувствовать пропасть впереди и свернуть, но Эрвин слишком увлекся своим будущим триумфом.

– Отнесся благосклонно?.. – прорычал герцог. – Ты хочешь сказать, что уже изложил свой вздорный, омерзительный план самому императору?!

– Милорд, я говорил с ним на уровне намеков, только прощупывал…

– Но ты дал понять, что продаешь нашу поддержку за деньги! И не только нашу, а заодно и еще четверых подобных тебе интриганов! Как ты это назвал? – Герцог с отвращением выплюнул последние слова: – Твоя коалиция?!

– Простите, милорд, боюсь, что вы неправильно…

– Ты, вассал, потребовал со своего сюзерена платы за верность! Владыка Адриан родился нашим сюзереном, а мы – его вассалами, о чем ты, вероятно, позабыл. На случай такой вот забывчивости каждый лорд Великого Дома приносит императору личную клятву верности. Ты также принес ее и обязан помнить.

Эрвин опустил взгляд.

– Повтори клятву! – рявкнул герцог.

– Я буду честен перед своим господином и верен ему… Я буду служить его щитом и мечом, пока моя смерть или воля господина не освободит меня…

С усилием Эрвин выдавил присягу – слово за словом. Отец встал и прошествовал к бойнице. Он слушал сына, стоя к нему спиной, и не повернулся, когда Эрвин окончил. Герцог тихо выговорил, роняя слова в бойницу, так, что сын еле расслышал их:

– Мятеж карается, согласно Юлианову закону, сожжением, либо смертью от щелока, либо четвертованием. Дворянам дается право выбора. Призыв к мятежу – тридцать длинных плетей для простолюдина и лишение титула для первородного. Хоть это, надеюсь, ты крепко запомнишь.

Эрвин был оглушен и раздавлен. Он не мог ни понять, ни поверить. Как вышло так, что он, выпускник Имперского Университета, обожающий столичную жизнь и дворцовые балы, он, один из редких дворян, кто понимает странные шутки владыки, он, Эрвин, всей душою ненавидящий Первую Зиму с ее чванливой жестокостью и плохо прикрытой нищетой… Тьма ледяная, кто же мог решить, что он, Эрвин, строит заговор ПРОТИВ столицы и В ПОЛЬЗУ Первой Зимы?! В чьей больной голове созрела такая мысль?

Глупый вопрос. Сия голова, укрытая снежной сединой, обернулась к нему, поиграла желваками, сжала в линию узкие бескровные губы. Пожалуй, на ядовитую змею герцог и то смотрел бы с меньшей гадливостью. Эрвину страстно захотелось свалиться на колени и заорать во весь голос: «Отец, очнись! Я не мятежник и не шантажист! Все, чего хотел, – немного помощи от государя, чьей семье мы честно служили веками. А еще хотел заседать в Палате и жить в столице, подальше от вас, милорд».

Он сумел сдержаться. Четвертое правило общения с отцом: никогда и ни в чем не оправдывайся. Оправдания – для собак и черни.

– Милорд, вы вольны лишить меня титула, раз уж так повернулось. Но будьте милостивы, расскажите, что вы думаете предпринять для процветания родной земли?

– Не паясничай, – устало рыкнул его светлость, хотя Эрвин и не думал паясничать.

– Рихард… – начал фразу Десмонд Ориджин и остановился.

Собственно, к чему продолжать? Одним именем брата уже все сказано. Рихард Ориджин был достойным наследником: обожал мечи и схватки, имел медвежье здоровье, был отчаянным воином и не по годам искусным полководцем, не ведал страха, не помышлял о дворцовых интригах. Рихард вообще мало о чем помышлял, кроме военного дела, – ничто иное его не интересовало. Кроме того, Рихард во всем соглашался с отцом: не потому что боялся его, а потому, что мыслили они одинаково, в общем направлении, словно два парусника, движимые одним ветром… Но Рихард погиб, к великому сожалению, и вам, отец, придется иметь дело со мной.

Оба помолчали, переводя дух.

– Что ж, сочту твой план юношеским слабоумием и постараюсь выбросить его из памяти, – заговорил наконец Десмонд Герда Ленор, великий лорд Ориджин. – Ты начинал речь с желания послужить Первой Зиме и Короне. Вернемся к той позиции. Она выгодна для нас, поскольку тебе вскоре представится возможность послужить и мне, и владыке Адриану одновременно. Я размышлял о возможностях улучшить наше положение. Некоторыми из своих соображений я поделился с императором и испросил его дозволения на действия. Он одобрил мою идею.

Дальше ровно и неторопливо его светлость изложил сыну план. Слова звучали отчетливо и твердо, не оставляя сомнений. «Смотри строю в лицо, говори низко, из солнечного сплетения, делай паузы между словами – и тебя будет слышать даже двадцатая шеренга», – вспомнилось Эрвину. Однако смысл все равно ускользал, и он решился переспросить:

– Милорд, вы хотите отправить меня в эксплораду?

– Да, сын, – кивнул герцог.

Полтысячи лет назад, когда держава была мала, а мир – велик, императоры позволяли лордам отправляться в походы за границы государства и присоединять к Империи новые земли. Половина вновь обретенных территорий становилась ленным владением лорда, остальное доставалась Короне. Такие походы звались эксплорадами. Но то было пятьсот лет назад!

– Милорд, я не могу понять. Неизведанных земель теперь не существует! Весь континент Поларис уже под властью Короны!

– Поларис – да.

У Эрвина глаза полезли на лоб.

– Так вы говорите о Запределье?..

– Верно.

Боги! Запределье – громадный, дикий, дремучий и холодный материк. Узкий перешеек, покрытый Кристальными горами, соединяет Поларис с Запредельем. По ту сторону перешейка нет людских поселений, не существует даже карт тех мест! В незапамятную эпоху, еще до Сошествия Праматерей, кочевые племена бродили по Запределью. Но даже они собрались с духом, перешли Кристальные горы и осели здесь, в Полярисе, – до того скверной была жизнь по ту сторону гор!

Теперь отец хочет получить под свою власть кусок Запределья? Зачем?!

– Вы пересечете горы и доберетесь до Спота – единственного поселка на перешейке, – продолжал излагать отец. – Там вы получите дополнительные припасы, их подвезут кораблем. После этого вы углубитесь в Запределье. Потребуется перейти Мягкие Поля и Лес Теней, находящийся за ними. Имеются сведения, что в глубине Леса Теней, на расстоянии около трехсот миль от Кристальных гор, протекает большая река. Это единственная река в известной части Запределья, и она не имеет названия. Легенды зовут ее просто Рекой. Твоя задача – найти на Реке место, подходящее для строительства искровой плотины.

– Искровой плотины, милорд?! В Запределье?!

– Я сказал достаточно.

Боги, но это же чушь! Постройка искровой плотины – колоссальная, нечеловеческая задача даже в обжитых землях внутри Империи Полари! За целый век построено всего десять плотин! А в Запределье, в сотнях миль от ближайшего поселения… Придется протянуть туда дорогу, возвести целый город для строителей и мастеровых, лишь затем браться за саму плотину. Тьма, да мы с трудом наскребли денег на подземную гробницу! Что говорить о сотнях миль рельсов и новом городе среди дремучей чащи! И даже если владыка Адриан согласится помогать средствами, людьми, знаниями (что само по себе сомнительно), то будет ли столь же милостив его наследник? А если нет – что тогда мы получим? Город в холодной глуши с тысячами несчастных нищих людей, больше – ничего.

– Милорд, мне позволено будет возразить?

– Нет.

– Могу ли я хотя бы высказать свои соображения?

– Ты получишь право высказаться завтра. Но знай заведомо, что это не изменит моего решения. Сегодня время встречи истекает, я жду еще одного посетителя.

Эрвин вздрогнул, когда осознал еще один аспект отцовской задумки.

– Поход до Реки и обратно займет несколько месяцев. Я вернусь в столицу осенью, помолвка Адриана будет уже позади!

– Ты вовсе не вернешься в столицу. По возвращении из эксплорады останешься в Первой Зиме. Летом я сам отправлюсь в Фаунтерру и принесу императору извинения за твои действия.

– Милорд, – взмолился Эрвин, – это лето – поворотный момент в истории! Возможность, которая не повторится! Я осознал свою ошибку, я покаюсь перед владыкой и докажу ему нашу верность. Я не посмею больше ступить ни шагу без вашего согласия. Но умоляю, позвольте мне провести лето в Фаунтерре!

Его светлость отрезал:

– Я твой отец и сюзерен. К счастью, мне нет нужды убеждать тебя. Ты просто выполнишь мою волю.

Да, милорд. Да, милорд. Разожми зубы, пошевели языком и выдави эти слова: да, милорд. Пока ты еще носишь титул, а твоя спина – кожу.

– Да, милорд, – процедил Эрвин.

– Хорошо. Вы отправитесь в поход, как только закончатся свадебные торжества. Теперь ступай.

Когда Эрвин отворил дверь, снаружи, вместе с караульными, стоял еще человек – очевидно, тот самый посетитель, которого ожидал отец. Герцог увидел его в проем и сказал:

– Познакомься, сын. Это один из твоих будущих спутников.

– Я к вашим услугам, милорд, – отвесил поклон гость. – Луис Мария из Отмели, имперский механик второй гильдии.

Эрвин скороговоркой отрекомендовался и поспешил удалиться, но перед тем механик успел взглянуть ему в лицо – бескровное, уродливое от гнева и досады.

Позже Эрвин не раз думал: сколь многое Луис Мария слышал сквозь дверь? Она тяжела и прочна, но говорили внутри на повышенных тонах, а каменные стены отлично отражают звук.

Искра

21–22 марта 1774 г.

Предлесье, графство Шейланд – Клык Медведя, графство Нортвуд

Сир Клайв Мария Белла, лорд Стагфорт, погиб так быстро, что не успел ни понять, ни ощутить ничего. Он лишь услышал шорох воздуха, и в следующий миг болт пробил его голову. Когда тело рыцаря, вылетев из седла, коснулось земли, душа уже очутилась на Звезде.

Большая часть отряда разделила участь Клайва, однако его дочь… Кто-то стеганул ее кобылу, и та понеслась галопом. Мира, припав к холке, слышала стук копыт, жаркое лошадиное дыхание, и много тише, вторым планом – людские крики, звон железа позади. Скоро эти звуки угасли. Мира придержала лошадь, пустила рысью и тогда решилась оглянуться. Двое всадников нагнали ее – Гурон, один из воинов отца, и Лиша, служанка девушки.

– Нельзя останавливаться, миледи. За нами может быть погоня, – предупредил Гурон.

Она и не собиралась останавливаться. Гурон то и дело поглядывал на нее – видно, боялся, что Мира отстанет или расплачется. Ей не хотелось плакать. Она даже не знала, чувствует ли что-то, только все звуки стали глухими, будто слышны сквозь подушку. И лес вокруг – он посерел, как в сумерки.

Через какое-то время Гурон уверился, что погони нет, и сбавил ход. Мира последовала примеру. Усталости она не чувствовала.

Воин со служанкой совещались о том, как быть теперь. «Почему они не спрашивают меня?» – безразлично подумала Мира. Ей было все равно куда ехать, и спутники как-то знали, что ей все равно. Гурон сказал: возвращаться в Стагфорт опасно – можно вновь попасть в засаду. Лиша согласилась. Гурон сказал: нужно ехать к лорду Виттору Шейланду, он – сюзерен покойного сира Клайва. Лиша сказала: это дурость. До замка Шейландов три дня пути, а то и больше. Надо двигаться прежним путем, и уже к вечеру они будут в безопасности. Гурон согласился.

Когда-то давно, нынешним утром, они направлялись в Нортвуд, в Клык Медведя, по приглашению Нортвудской графини Сибил. В замке графини варят кофе, – подумала Мира. Еще подумала: там есть ручной медведь. То и другое не имело смысла. Но иных мыслей не было, лишь выцветший серый туман в голове. Мира скакала, сжимая коленями горячие бока кобылы.

После полудня они пересекли реку и въехали в графство Нортвуд. Отряд конной стражи встретил их, Гурон пересказал капитану случившееся. Тот выделил всадников для эскорта. Вокруг – логромный северный лес, тусклый и глухой.

Лиша поехала рядом с хозяйкой, заговорила. Речь звучала как мурчание кошки. Она хочет меня утешить? – предположила Мира. Так странно.

– Не беспокойся, – сказала Мира. – Не волнуйся обо мне.

Лиша говорила и дальше, даже тронула хозяйку за локоть. Мира не знала, что отвечать, и не знала, зачем. Она переждала, и Лиша умолкла.

На закате отряд выехал к замку. Клык Медведя всегда возникает неожиданно: дорога петляет в дремучей чаще, за сто ярдов лес уже непрогляден, как вдруг внезапно деревья исчезают и открывается город. Склон холма и берег реки покрыт лабиринтом бурых бревенчатых домов, вода пестрит лодками и причалами. Возвышенность занимает замок: огромный, тяжелый и угловатый. Клык Медведя – столица северных лесов.

Позже они ждали в светлице, солнце умирало, все кругом было черным или розовым. Слуга зажигал свечи, от них становилось темнее. «Графиня скоро выйдет к вам, миледи… Не прикажете ли вина или кофе?..» Мира смотрела на свечи. Почему они горят так тускло? Девушка зажала пальцами один фитилек, и он погас. Другой, третий. Отец говорил: «Люби тех,

кто тебе дорог. Люби каждую минуту, не теряй времени. Когда-нибудь человек уйдет, и это случится внезапно». Внезапно. Мира погасила последнюю свечу. Боль в пальцах была столь же тускла, как тлеющий фитилек. Это случится внезапно…

В светлицу, выпятив грудь, вошел дворецкий и проорал:

– Сибил Дорина Дениза рода Сьюзен, графиня Нортвуд.

Тут же отступил в сторону, и миледи появилась в комнате.

Графиня Сибил – видное существо. Когда рядом она, сложно смотреть на кого-либо другого. Она высока и статна, у нее пшеничные волосы и широкие плечи, на ней изумрудное платье с золотыми узорами, отороченное белым медвежьим пухом.

– Мия, бедное дитя! – воскликнула графиня. – Это немыслимо, что за ужас! Я ушам не поверила!

– Ваша милость… – с поклоном выговорила Мира.

Сибил схватила ее за руку, усадила в кресло, сама уселась рядом, не выпуская девичьей ладони. Несколько раз щелкнула пальцами в воздухе, и слуги разбежались – точно знали, что от них требуется.

– Ну же, дорогая, как ты себя чувствуешь? Не держи горя в себе!

Мира тоже поняла, что от нее требуется.

– Я так благодарна вам за сочувствие, миледи, – сказала она. – На нас напали из засады в Предлесье, около границы Нортвуда. Моего отца убили, а также почти всех, кто был с нами.

– Чудовищно! – воскликнула графиня и порывисто притянула Миру к себе. Вероятно, девушке предлагалось поплакать на плече, отороченном медвежьим пухом. Мира притронулась к плечу графини кончиком носа, немного выждала, осторожно отстранилась.

– Миледи, нам не следовало показываться вам в столь плачевном виде. Мы решились продолжить путь в Клык Медведя лишь потому, что обратная дорога чересчур опасна. Если вы будете столь добры и дадите отряд всадников, чтобы сопроводить нас назад, в Стагфорт…

– Нет, нет, нет! – Графиня энергично замотала головой. – Какая чушь! Я сама разберусь во всем! Мои люди обыщут Предлесье и изловят этих головорезов. Ты же, дитя, побудешь здесь, в безопасности. Я позабочусь о тебе.

Мира – не дитя, зимою ей исполнилось семнадцать. Сюзереном ее отца был граф Виттор Шейланд. Теперь он, выходит, ее сюзерен. Однако, нимало не смущаясь этим, Сибил Нортвуд принимала живое участие в жизни девушки, оказывала покровительство. Возможно, из-за древних корней Мириной родословной – графиня падка на громкие имена. А может быть, дело в матери Миры, умершей много лет назад, и в дочке графини – ровеснице Миры.

– Мой сюзерен – граф Виттор, – отметила девушка. – Ему следует узнать о том, что случилось.

Сибил взмахнула ладонью.

– Узнает непременно, я пошлю гонца. Однако, девочка моя, ты ошибаешься, если думаешь, что Виттору будет до этого дело. Твой сюзерен женится. Его ждут три недели беспробудного пьянства и малахольная принцесса в придачу.

Ах, да, Мира слыхала об этом. Все, что касалось свадеб, не очень-то интересовало ее и не задерживалось в памяти.

Слуга принес пару деревянных кубков, наполнил пряной пахучей жидкостью. Графиня протянула один Мире:

– Ханти – лучшее лекарство для души. Выпей, дитя.

Не дожидаясь, Сибил выпила настойку одним залпом, довольно фыркнула, покраснела. Мира сделала несколько глотков. Горло обожгло, туман в голове стал еще гуще. Свой кубок графиня ткнула слуге, и тот вновь наполнил его.

– Теперь расскажи мне – как выглядели те, кто напал на вас?

Мира не знала этого. Она подозвала Гурона, воин рассказал:

– Их было не меньше дюжины, ваша милость. Они не носили никаких гербов, но одеты были похоже, не вразнобой. И вооружены одинаково – арбалеты и секиры.

– Стало быть, на лесных разбойников не смахивают?

– Нет, ваша милость. Оружие хорошее, бились ловко. Все наши полегли в одну минуту.

– Отчего же тогда ты жив? – не без презрения спросила Сибил.

Гурон потупился и не нашелся с ответом.

– Может, и к лучшему. Ты сопроводил девочку. Одной ей было бы нелегко. – Графиня отправила его взмахом руки.

Не похожи на разбойников, думала Мира. Это должно что-то означать. Но понять сложно – слишком туманно в голове, и слишком мало сил.

– За твоего отца – доброго рыцаря и благородного человека, – подняла Сибил кубок. – Радость и покой его душе.

Потом они очутились за столом, полным угощений. Было много мяса и рыбы, и мало хлеба. Ягодные соусы, какие-то травы, соленья. Все острое или пряное, как всегда в Нортвуде. Мира с трудом впихнула в себя пару кусков. Ее мутило от ханти, от запахов, от тусклого тумана. Графиня говорила с нею, и девушка старалась отвечать, хотя и с трудом понимала собственную речь.

Наконец, эта пытка окончилась – Миру проводили в покои. Служанке позволили провести ночь в комнате хозяйки, на случай если что понадобится. Мне ничего не понадобится, подумала Мира, я лягу, закрою глаза и тут же исчезну.

Она забылась, едва сомкнув веки.

Далеко за полночь девушка проснулась. Царила темень, лишь в небе за окном сияла Звезда и мерцали несколько огней на башнях. Но пелена пропала, огоньки виделись ясно, даже слепили. И все другое виделось ясно. Отец ушел следом за матерью. Теперь нет никого, я одна в темноте. Те, кто близок, уходят внезапно. Остается пустота. Я и есть пустота. Я – холодная тьма.

Мира ощутила слезы в глазах. Она плакала много часов или дней под тихое посапывание служанки. Спустя месяцы наступил рассвет, и Мира уснула, истратив на горе все свои силы.

* * *

В замке Нортвудов живет ученый медведь. Его имя – Маверик. Если бы Мира умела заводить друзей, с ним первым свела бы дружбу.

Маверик – могучий огромный хищник, далеко за тысячу фунтов весом. Его когти длинней Мириного указательного пальца, голова – лобастая, широкая, как бочка, с добродушными круглыми глазками и влажным блестящим носом. Шерсть его меняет цвет каждый сезон, и сейчас, по весне, она сделалась роскошно изумрудной, искристой, словно шелк.

Маверик до неприличия умен. Если сказать ему: «Маверик, станцуй!» – он окинет тебя внимательным взглядом и, найдя в твоей руке рыбку или сахарную булку, примется кружиться на задних лапах, притопывая, покачивая влево-вправо тяжелой башкой и иногда неуклюже приседая. Когда ты засмеешься и не удержишься от возгласа: «Ай, какой молодец!» – Маверик повернется к тебе, раскроет пасть и красноречиво укажет в нее лапой. Тогда ты увидишь чудовищные дюймовые клыки и нежный розовой язычок.

Также медведь умеет кланяться на три стороны, колотить себя в грудь, тереть лапами глаза, будто плачет (последнее зверь непременно устроит, если спеть ему рыцарскую балладу). Он может даже притворяться мертвым, упав на спину! А еще Маверик различает людей в лицо. Если входит Джонас – смотритель зверинца, – медведь садится на увесистую задницу и раскрывает пасть. При графе Нортвуде он чешет подмышки или покусывает брюхо, а при

графине Сибил – становится во весь рост и поднимает правую лапу с таким торжественным видом, будто воин императорской гвардии на почетном карауле. Маверик обожает графиню, это знают все в замке. Говорят, леди Сибил может войти к медведю в клетку и обнять его, потянуть за ухо или положить ладонь зверю на язык. Правда, Маверик должен быть при этом весьма сытым, а графиня – не такой уж трезвой, но все же.

Когда в зверинец входит Мира, изумрудный медведь улыбается. И сегодня улыбнулся, даже лизнул собственный нос. Девушка проснулась, когда солнце было очень высоко. Лиша подевалась куда-то, и Мира порадовалась уединению. Оделась, умыла лицо водой из кувшина и отправилась на прогулку по замку. Хорошо зная это строение, она выбирала наиболее безлюдные залы и коридоры. Люди утомительны, Мира давно обнаружила это. Люди часто задают вопросы и, что куда хуже, испытывают чувства. Их лица выражают что-то, их голоса меняют тональность. Они говорят слова – значащие излишне много или, напротив, ничего не значащие. Мира выросла в крохотном форте на северной окраине империи, и мир людей представлялся ей хаотичным, беспорядочным, непредсказуемым. Маверик – иное дело. Он весьма немногословен, чаще всего говорит лишь: «Арр-роо-о-о!» или «Уу-у-урр-р-р». В каждую из этих двух фраз он вкладывает разные смыслы, но Мире всегда удается понять, что имеется в виду.

Замок Клык Медведя огромен и пахнет сосной. В нем высокие тенистые залы, необъятные жерла каминов, перекрестья мечей и алебард на стенах, массивные кресла и несокрушимые столы. Шкуры здесь повсюду – на полах, на стенах, скамьях и креслах, на гигантских кроватях вроде той, в какой спала сегодня Мира. Залы утыканы охотничьими трофеями. Есть вепри и волки, и лоси, и бронебоки, и даже черепа клыканов. Но не медведи, никогда. Медведь – символ мощи Нортвуда, ни один охотник в этой земле не решится его убить… конечно, если хищник не атакует первым.

Миновав череду залов и переходов, Мира очутилась в зверинце, и Маверик улыбнулся ей. Она уселась перед прутьями решетки и сказала:

– Здравствуй, мой хороший. Как тебе живется? Я надеюсь, ты доволен и сыт.

Маверик подтвердил:

– Уу-у-урр-р-р.

Девушка призналась:

– Немного завидую тебе. А еще я скучала.

Маверик улыбнулся и лизнул нос.

– Можно, я поглажу тебя по голове? – спросила Мира, хотя и не знала, хватит ли ей смелости на это.

Маверик как-то неопределенно глядел на нее, и Мира поняла, что он не в восторге от предложения.

– Что ж, тогда потанцуй для меня. Ну, станцуй.

У нее не было лакомства, но Маверик поразмыслил немного, поднялся на задние лапы и закружился, приплясывая. Просто для того, чтобы порадовать Миру. Ему было несложно.

– Ай, молодец!

– Леди Минерва, – позвали ее.

Мира увидела рыжеволосую девушку в сером шерстяном платье. Глория – дочка графини Сибил. Как и мать, Глория была весьма хороша собою. Ее красота складывалась из пышущего здоровьем тела, полных энергии движений, выразительных черт – больших зеленых глаз, золотисто-рыжих локонов, пухлых губ. Несколько портили лицо лишь веснушки на щеках, придающие ему налет какой-то сельской простоты.

Глория приходилась ровесницей Мире, даже смахивала телосложением, и, по всей теории, девушки должны были сдружиться. Однако дочь графини слишком рано почувствовала власть в своих детских ручках и сделалась грубовато капризна. Пять лет назад, когда девочки виделись в прошлый раз, любимым развлечением Глории было изводить слуг идиотскими

поручениями вроде того, чтобы связать за хвосты трех котов и бросить на обеденный стол среди гостей. Немало удовольствия доставляло ей сделать пакость: разбить что-нибудь, испачкать, сломать – а после смотреть, как графиня наказывает одну из горничных. Леди Сибил готова была обвинить кого угодно, только не дочь.

Впрочем, графиня сумела трезво оценить характер дочери и приняла меры. Глория была отдана на воспитание в девичий пансион при монастыре Елены-у-Озера, где провела три года. Это закрытое заведение, практикующее суровую дисциплину, пользовалось славой лучшей школы невест в Империи Полари. В отличие от других пансионов, что обучали девушек лишь светским манерам, благородным искусствам, умению вести беседы и смирению, Елена-у-Озера давала ученицам нечто большее: мастерство правителя. Считалось, что выпускницы пансиона Елены способны стать поддержкой своим мужьям не только в домашних и светских делах, но и в политике, и в дипломатии.

Похоже, пансион сделал свое дело. Глория вежливо поклонилась, произнесла без капли былой заносчивости:

– Леди Минерва, я от всей души соболезную вам.

– Благодарю, вы очень добры.

– Матушка ищет вас. Время завтрака, леди Минерва. Не разделите ли с нами трапезу?

Мира была приятно удивлена. Даже то, что дочь графини пришла за нею сама, а не послала слугу, – уже красивый жест.

– С удовольствием, леди Глория.

– Минерва Джемма Алессандра рода Янмэй, леди Стагфорт, – провозгласил лакей, раскрыв перед Мирой двери трапезной, и девушка удивилась звуку собственного полного имени. Минерва Джемма – нечто слишком помпезное и золоченое, никто не зовет ее так.

Их ожидали за столом леди Сибил и ее муж. Граф Элиас Нортвуд носил снежно-седые волосы до плеч, перехваченные, по северной традиции, серебряным обручем. Этим исчерпывалось благородство его внешности. В остальных чертах граф выглядел тощим, желчным, брюзгливым стариком, каковым и являлся. Он был на четыре десятилетия старше жены. Изо всех жизненных явлений Элиаса интересовали только корабли: речные и морские; ладьи, каравеллы и галеоны; их оснащение и ходовые качества. Любыми другими делами, не связанными с судоходством, заведовала леди Сибил, и граф не вникал в них без крайней надобности.

Глория была единственным ребенком Элиаса и Сибил. В год их свадьбы графу исполнилось шестьдесят, в таком возрасте даже один ребенок – уже божья милость. От первого брака граф имел троих сыновей, но все они были сейчас в разъездах.

– Как тебе спалось, дитя мое? – спросила Сибил.

«Дитя» – это я, а не Глория, поняла Мира, поймав взгляд графини.

– Благодарю, миледи. Я спала хорошо и чувствую себя бодрой.

Сибил предложила ей место напротив себя. Мира села и попросила:

– Я бы выпила кофе, если позволите.

– Так и знала, что ты это скажешь, – улыбнулась графиня. Перед Мирой оказалась чашка пахучего горького напитка, диковинного здесь, на севере. Девушка с наслаждением сделала несколько глотков. Есть две вещи на свете, которые чудесно проясняют мысли: уединение и кофе.

– Миледи, я думала о том, что случилось, – сказала Мира.

– И что же?

– Моего отца убили, миледи. В книгах пишут: нужно судить о намерениях по результатам. Я полагаю, засаду устроили именно для того, чтобы убить отца. Это был не грабеж и не случайная стычка. Кто-то послал головорезов для преднамеренного убийства.

– Разве у доброго сира Клайва были враги?

– В здешних краях – нет. Но еще до моего рождения отец жил в столице, и его коснулась одна скверная история – дворцовый заговор. У него могли остаться враги с тех времен.

– Умное дитя.

Сибил сказала это не столько Мире, сколько мужу. Элиасу, похоже, было все равно: он отрезал кусочки от сырной косички, клал за правую щеку и сосредоточенно жевал немногочисленными зубами. Взгляд его блуждал где-то.

– Сперва и мы подумали так же, – сообщила графиня. – Но потом кое-что всплыло. Найди себя в этой книге, милая.

Сибил протянула Мире тяжелый том в кожаном переплете. Золотое перо, скрещенное с мечом, было вытиснено на обложке, ниже вилась надпись: «Истоки, течение и ветви блистательного рода Янмэй». Родословная правящей династии? Шутка, что ли? Мира застенчиво улыбнулась. Да, ее имя можно найти где-то на последних страницах книги – она знала это с детства. Ниточка кровного родства тянется от нее через одну, другую, третью семью и приводит к самому владыке Адриану – его величеству императору Полари. Мира приходится ему троюродной племянницей или кем-то вроде. Однако…

– Миледи, простите, но это ложный путь. Между мною и престолом стоит дюжина людей, много более достойных и знатных, чем я. И даже будь это не так, владыка Адриан полон сил. Он родит сыновей, и станет вовсе не важно, как сплетаются веточки древа. Мне до наследницы престола – столько же, как медведю Маверику до Шиммерийской принцессы.

– Родители так учили тебя в детстве и поступали правильно. Если бы ты думала, что имеешь хоть шанс унаследовать корону, то размечталась бы попусту. Но прошло немало лет, кое-что поменялось.

Графиня раскрыла книгу и принялась водить карандашом по страницам, вычеркивая одно имя за другим. Десяток вельмож угодили на плаху или лишились титулов после Шутовского заговора – отчерк длинной косой линией. Эти погибли на охоте – карандашные крестики поверх имен. Тот лишился головы в междоусобице – новый крестик. Этот ушел в монахи и отрекся от прав наследования. Нескольких забрал мор (чирк, чирк – ложатся скрещенные линии), кто-то пережил трясучку и утратил разум (чирк). А в этой семье четверо детей умерли еще во младенчестве – боги прокляли. Крест, крест… Кто же остается?

Сибил Нортвуд обвела кругами три имени.

– После всего, моя милая, ты – четвертая в очереди престолонаследия. А если не брать в учет Менсона, который уж семнадцать лет как сделался шутом и посмешищем для всего двора, то ты – третья.

Мира пожала плечами: третья – так третья.

– Это ничего не меняет, миледи. Император собирается жениться, вскоре на свет появится прямой наследник.

– Вот именно – собирается.

Сибил со значением посмотрела на Миру. Девушка не понимала, куда клонит графиня, и призналась в этом.

– Наивное дитя! – воскликнула Сибил.

– Заговор. Новый паскудный заговор, – проворчал граф.

– Вы имеете в виду… – начала Мира и запнулась. Догадка показалась слишком несуразной.

– Это тебя хотели убить, а не отца! – заявила Глория и тут же исправилась: – Вас, леди Минерва.

– Да, дитя мое. Не бедный сир Клайв был целью, а ты. Тебя намеревались убить, чтобы расчистить путь другому претенденту на престол.

Какой в этом смысл, если император жив и здоров? Абсурд…

И вдруг Мира поняла.

– Так вы полагаете, случится еще убийство?

– И не одно! – кровожадно заявила Глория.

– Я полагаю, владыке очень интересно будет про все это узнать, – сказала Сибил. – История больно уж смахивает на начало заговора, и мишенью вполне может оказаться сам Адриан. Нам нужно ехать в столицу.

– Нам?..

– А ты думала вернуться в родной замок? И кто же там защитит тебя – конюх да горничная? В Стагфорте осталась жалкая горстка людей, один из которых служит не тебе, это уж ясно.

Наверное, так и есть. Мира думала об этом: не случайно же убийцы так хорошо знали, где и когда устраивать засаду.

Но ехать в столицу Империи… Фаунтерра – гигантский муравейник, суетливый и тщеславный, переполненный словами и чувствами… заговорами. Мира никогда не бывала там. Какое выбрать из двух зол: броситься в этот людской водоворот или вернуться в опустевший и холодный родной дом? Что более терпимо – оказаться одинокой в глуши или одинокой среди толпы? Как вернее сойдешь с ума – от людского шума или от тоски?

– Вижу, милая, ты довольна, – зорко подметила графиня. – Какая девушка не мечтает о блестящей столичной жизни, приемах и балах, аудиенции у самого владыки! Мы завтра же отправимся в дорогу, и через месяц ты увидишь Фаунтерру – лучший город на свете!

В глубине души Мира порадовалась тому, что графиня решила за нее.

– И вы едете в столицу, миледи? И Глория?

– Свадьба, – буркнул граф Элиас. – Нас ждут в Первой Зиме.

– Ах, разумеется! Ориджины наконец-то пристроили замуж свою малахольную принцессу – великий повод для празднества! Дорогой Элиас, избавь меня от этого. Поезжай с детьми в Первую Зиму, передай мои извинения, поздравления и все остальное, что подобает. В столице меня ждет встреча с персоной поважнее, чем стая красно-черных зазнаек.

Ревнивая зависть графини Сибил к семье Ориджин – не тайна. Их род более древний и знатный, история герцогства полна легендарных фигур и громких побед, а долина Первой Зимы – святыня, место сошествия Праматерей на землю. Нортвуд же обширен и довольно могуч, но в глазах всей Империи – это дремучий лес с медведями и бородатыми мужланами. Пожалуй, графиня только рада поводу избавиться от свадебного приглашения. На сей раз Мира вполне понимала ее чувства: нет ничего утомительней, чем лицемерить в угоду вежливости.

– Езжайте, – согласился граф. Добавил, глядя в потолок: – Только не слишком обольщайтесь насчет благодарности владыки. Династия не любит чувствовать себя обязанной. Я-то знаю эту породу. Тебя, Сибил, император не осыплет почестями и не поведет за ручку на первый танец. Просто когда полетят головы, твоя не окажется в их числе – вот такая будет благодарность. А тебя… – неопределенно махнул он рукой в сторону Минервы, – тебя Адриан и вовсе не заметит.

Монета

Поздний март – ранний апрель 1774 года от Сошествия
Северо-восток герцогства Альмера

Лучшая забава – люди. Хармон Паула Роджер всегда любил меткие поговорки.

Из года в год он колесил одним и тем же кругом: восточная Альмера, Земля Короны, Южный Путь, графство Шейланд, северная Альмера, восточная Альмера. Одинаково пыльные дороги летом, одинаково грязные – весной; городки и села, замки – они рознились на первый взгляд, но по сути все одно. Хармон умел читать, но не любил, да и жалел денег на книги. Хармон любил выпить, но сдерживался в дороге. Рыжие тяжеловесы шли медленно, волоча грузные фургоны торговца, мили вползали под колеса одна за другой, без конца. Иной бы завыл от скуки на его месте, сменил ремесло. Хармон же находил развлечение в своей свите.

К примеру, его забавляло смотреть, как бранится с женой Вихорь – темноволосый патлатый крестьянин, служивший Хармону конюхом и грузчиком. Вихорь вечно ворчал на Луизу – себе под нос, но так, чтобы жена слышала:

– Лепешку дай… Снова черствая, зубы обломаю. Сушишь ты их, что ли. По голове бы дать такой лепешкой… Куда пошла? В реку купаться? Ты что, мелкая? Бабеха старая – и туда же, купается! Скоро кожу с себя смоешь… Лучше воды принеси, штаны мне постирай. От грязищи уже что твои ходули – не гнутся. Пошли Сару за молоком на хутор. Денег нет? У хозяина попроси. Чего я должен. Ты женщина – вот и проси.

Луиза отвечала редко, зато громко и смачно:

– Господин нашелся! Раскомандовался! Закрой коробочку, господин! Хотела бы господина – не за тебя бы пошла!

Потом перебиралась на полдня в другую телегу и выкрикивала оттуда что-нибудь обидное, если изобретала. Могла при случае запустить в мужа яблоком или кружкой.

Вихренок при этом пытался помирить родителей и попадал под горячую руку, а хитрая Сара – десятилетняя дочка конюха – поддакивала одному из родителей против второго и часто получала угощение.

Забавлял Хармона и старый пьянчуга Доксет – больше возница, нежели охранник. Он обожал травить байки о своем славном военном прошлом. Точные обстоятельства того времени помнил туманно, однако нимало не смущался, а выдумывал подробности прямо по ходу рассказа. Например, Доксет не раз рассказывал, как бился против болотников на берегу Сидара. Правда, первоначально он сражался топором и зарубил пятерых мечников в кольчугах, а в прошлом году сообщил, что дрался копьем и заколол оруженосца, а рыцаря спешил; теперешней же весной выяснилось, что Доксет сам чуть не утонул на переправе, когда кто-то из благородных всадил ему в плечо арбалетный болт, и, выбравшись на берег, он вырвал болт из плеча и увидал, что оперение сделано из чистого серебра.

Частым слушателем Доксета бывал Вихренок. Поперву паренек удивлялся расхождениям в рассказах, а затем привык, уразумел, что на войне ведь всякое бывает, на то и война. С тех пор Вихренок частенько донимал Доксета вопросами вроде:

– А случалось тебе драться верхом? А булавой? А если конь тебя копытом по шлему ударит, что будет? А герцога или графа видал вблизи? А доспехи у них какие? А стрелу можно в полете поймать?

И старый солдат, недолго думая, отвечал, что стрелу поймать можно, но надо левой рукой и поближе к оперенью; что графа от герцога отличить легко: у графа серебряный герб на плече, а у герцога – золотой на груди; что в битве при Лоувилле наемничий жеребец так угостил Доксета копытом по лбу, что шлем вмялся и не снимался с головы, но ничего, башка не треснула, только звезды увидал и неделю есть не мог, лишь воду пил.

Снайп – тот был развлечением иного рода. Извечно смурной, он ничего не говорил о себе, хотя Хармон и без того давно знал, что Снайп – дезертир и в родных землях его ожидает кол или виселица. Снайп мог молчать целыми днями, а глядел порою так хмуро, что встречные крестьяне принимали его за разбойника и шарахались с дороги. Однако временами что-нибудь, какое-то незначительное событие вдруг навевало ему мечтательность. Снайп тихо вздыхал и скреб ногтями щетину на щеках, а вечером выпивал пару кружек вместе с Доксетом и говорил: «М-да, жизнь…» Так случалось, например, когда Снайп глядел на перебранки Вихоря с Луизой. Дезертир не прочь был бы и сам побраниться с женой, чтобы та поорала всласть и запустила в него чем-то, а он дал бы ей оплеуху, а после завалил на пол и задрал подол… Так, по крайней мере, представлял себе ход Снайповых мечтаний Хармон Паула Роджер.

Однако со дня отбытия из Смолдена все прежние забавы померкли и отошли назад против того любопытнейшего зрелища, какое являл собой новый наемник.

Самим своим приходом Джоакин внес немалое оживление в жизнь Хармоновой свиты. Он отрекомендовался следующим образом:

– Джоакин Ив Ханна. Я – новый щит вашего хозяина.

После чего пожал руки мужчинам, потрепал по головам детей и с хозяйским видом прошелся вдоль обоза, разглядывая, что где, как устроено, хорошо ли уложено. Хармон даже заподозрил было, что вот-вот получит пару ценных советов и важных замечаний, однако после осмотра Джоакин лишь одобрительно кивнул. Остальная свита скучилась поближе к хозяину и принялась весьма вопросительно молчать.

– Я нанял третьего охранника, – сообщил Хармон. – Жена любит мужа, а монета – меч.

Вихренок восторженно хрюкнул, Луиза улыбнулась. Конюх проворчал:

– А стряпать-то тебе, жена, побольше придется. Может, хоть теперь расстараешься.

Снайп бросил: «Ну…» – не то чтобы с ревностью, а быстрее, с сомнением. Доксет же растерялся и не сказал ничего, но первым подкрался к новенькому и стал кружить около него, пристрастно разглядывая. Следом пошли на сближение и остальные.

Едва обоз тронулся, Джоакин определил себе место: чуть впереди головного фургона, которым правили поочередно Хармон и Снайп, немного слева. Это была гибкая и удачная позиция. В безлюдных местах Джоакин мог придержать кобылу, поравняться с фургоном и поделиться с хозяином той или иной ценной мыслью.

– Что за дорога такая? Не дорога, а одни ямы. Здешнему лорду надо бы о ней побеспокоиться, а то позор же, – говорил Джоакин не так, будто жалуется, а этак по-отечески журил неведомого лорда. – Лошадка-то моя ничего, плавно идет, а в фургоне у вас, поди, весь зад отбить можно.

Или говорил:

– Тучи сгущаются, может дождь пойти. Но мне-то ничего, к дождю не привыкать. Я считаю, надо всякую погоду любить.

Или так:

– Я вот не понимаю таких земель, как Альмера. Я люблю: если север, так чтоб снег, если юг, так чтоб жарища, равнина – значит, равнина, горы – значит, горы. А тут и не холодно, и не жарко, и на скалу не влезешь, и по степи не поскачешь. Холмы вот эти – что это такое?

Зато, въезжая в очередную придорожную деревню, молодой воин выдвигался ярдов на десять вперед и шествовал во главе обоза, как знаменосец в авангарде войска. Как и всякий человек с мечом, он вызывал у крестьян сперва опасение, а затем любопытство. Когда Джоакина спрашивали, он отвечал гордо и немногословно:

– Мы – люди Хармона Паулы.

В обеденный привал Джоакин не выявил ни малейшего беспокойства, а просто сел около торговца и безмятежно ждал, пока ему выделят причитающуюся долю харчей. Ломоть сыра и кусок ветчины, которые отрезала ему Луиза, оказались больше, чем у Вихоря и Снайпа.

Для ночлега Хармон предложил парню место в головном фургоне, в задней его половине – вместе со Снайпом и грузом посуды. Тот отказался:

– Я люблю, когда небо над головой. Люблю чтобы свободу чувствовать, а то спать на досках, среди мешков – я этого не понимаю.

Он расстелил под ясенем куртку, подложил под голову седло, укрылся плащом и вскоре уснул крепким сном. Если судить по басовитому похрапыванию, которое издавал Джоакин, ни страхи, ни угрызения совести не тревожили его.

Человек торгует тем, что имеет. Купцы – товаром, молодки – красотой, дворяне – родовитостью, рыцари – отвагой. Джоакин Ив Ханна торговал важностью и делал это ловко. Хармон Паула отдавал ему должное, как один мастер отдает должное искусству другого.

Остальные не замечали этого мастерства. Вихренок смотрел на меч и шлем Джоакина, Луиза – на крепкие руки и широкую грудь, Доксет видел молодое гладкое лицо, не испорченное морщинами, и норовил назвать Джоакина «сынок»… Хармон же видел опытного торговца важностью с целым арсеналом трюков и приемов. Джоакин мог бы, пожалуй, даже взять мальчишку в подмастерья и передавать ему свое мастерство.

Джоакин мог бы начать науку: говори обо всем так, будто именно ты решаешь, что хорошо, а что – плохо. Дорога крива; лес жидковат; граница графства идет через холмы, а лучше бы по реке; мост деревянный – ну и правильно, зачем камень тратить.

Давай советы, и побольше, – поучал бы Джоакин. Но немногословно, чтобы не подумали, что оно тебе в радость. Оброни пару фраз, проходя мимо, ведь без тебя не справятся. Как уложить бочки в телеге, где обосноваться на привал, как удобнее держать поводья, надо ли коней ночью стеречь – кому и знать, как не тебе?

Не суетись, показывал бы он собственным примером. Суета – для мелюзги. Делай все неспешно, без тебя не начнут и не закончат. Улыбайся пореже, а если уж не сдержался и хохотнул, то прибавь со значением: «Смешно!..» – ведь это ты не сдуру так гогочешь, а одобряешь удачную шутку.

Если при тебе рассказали нечто неприятное, ты не сочувствуй и не вздыхай, будто баба. Выложил вот Вихорь, как видал тем летом городок, целиком сгоревший от пожара, одни кучи углей вместо домов, – а ты ему на это: «Бывает». Ты-то знаешь, что бывает в жизни и не такое.

Про себя говори немного. Иные жалуются на жизнь, всякие страсти рассказывают – это глупо. Сообщи о себе лишь то, что придется к месту, и вверни при этом выгодный финтик. Увидел ты, например, у Доксета копье – вот и скажи: «Бился как-то и я копьем, да против кольчужного рыцаря с секирой. Я-то его поймал и проколол в конце, но попотеть пришлось. Меч – он надежнее будет». И по эфесу при этом похлопай.

И главное, наставлял бы Джоакин напоследок. Если что взаправду умеешь, то носи это умение с неброским достоинством, как знаменем им не размахивай, но и сверкнуть при подходящем случае не стесняйся.

Следующим от Смолдена утром Хармон Паула проснулся от ритмичного лязгающего стука и, откинув завесу, увидел Джоакина с мечом в руке, обнаженного по пояс. Заложив за спину левую руку, красавчик наскакивал на ясень, рубил то слева, то справа, и тут же ловко отшагивал вбок, уклоняясь от контратаки. Мышцы его играли, на груди поблескивали капли пота. Чередуя выпады с уходами или блоками, Джоакин двигался вокруг дерева. Сучки и щепки разлетались в стороны. Луиза, Сара и Вихренок во все глаза пялились на него, даже

Снайп уважительно покачивал головой. Вот парень крутанулся вокруг себя, перехватил меч двумя руками, занес над головой и, обернувшись, снес толстую ветку. Хах!

– Ого!.. – выдохнул Вихренок. Сара хлопнула в ладоши.

«И вот я знаю все, чего можно ждать от парня», – подумал Хармон отчасти с удовольствием, но больше – с досадой. Прочитывать людей с той легкостью, с какой ученые мужи читают книги, давно уже было для Хармона не искусством или предметом гордости, а простой привычкой. Книги, подобные Джоакиновой, Хармон не раз брал с полок, раскрывал, пролистывал, изучал… покупал их и продавал, бывало по одной, бывало и на вес. В них не было для него загадки, и где-то краешком души он об этом жалел.

Хармон не знал, что очень вскоре парень удивит его.

Шестимильный лес тянулся узкой лентой по сырой низине. Длиною он достигал добрых тридцать миль, а в ширину в самом широком месте имел всего шесть, чем и заслужил название. Однако известно, что пересечь Шестимильный поперек – плохая затея. Ручьи заболочивают низину и превращают землю в топкую кашу. Одна из двух дорог, идущих сквозь лес, весною вовсе непроходима, по второй еще так-сяк можно проехать, если груз не тяжел и несколько дней не было дождя. На вторую дорогу и свернул Хармон Паула со своим обозом.

– Шестимильный впоперек? – переспросил Снайп, сидя на козлах.

– А чего такого? Неделю дождя не было, думаю, проедем. Иначе-то крюк на целый день, – безмятежно ответил Хармон, забрался в свою занавешенную половину фургона и разлегся на топчане из овчины.

Снайп хмыкнул, но поворотил в лес.

Пару миль дорога радовала: колеса катились плавно, чаща веяла свежей прохладцей, щебетали птицы. Пару раз поперек дороги попадались высохшие упавшие стволы, но Джоакин со Снайпом легко оттаскивали их и освобождали путь. Раз повстречали кабаньи следы, и Джоакин поделился несколькими мыслями об охоте – с самим собою, надо полагать, поскольку Снайп молчал, а остальные едва ли слышали.

Но вот дорога пошла вниз и начала понемногу раскисать. Пересекли первый ручей, спугнули зайца на водопое. Под копытами зачавкала грязь, впрочем, лошади справлялись и шли ровно.

Показался новый ручей, через него перекидывался бревенчатый мосток – старый на вид, подгнивший кое-где, но вроде прочный. Тяжеловесы ступили на него, осторожно упираясь копытами в скользкую опору.

– А это что там, хижина, что ль?.. – спросил Джоакин, вглядываясь в просвет меж деревьев.

– Ага, добрый путник, она самая, – ответил некто хриплый, выступив из кустов на дорогу.

Хармон, слегка отодвинув завесу, выглянул в щель. За первым человеком на дороге показались еще двое. Косматые, коренастые, эти двое были наряжены в куртки из вываренной кожи с нашитыми бляшками и неспешно приближались, поигрывая боевыми секирами. Один взял под уздцы упряжных лошадей, другой подошел к Джоакину. Третий – хриплый – загородил собой съезд с мостка. Он опирался на древко цепа, на себе имел кольчугу и стальной полушлем. Это был старик – седой и морщинистый, но жилистый и весьма еще далекий от дряхлости.

– Вы в нашем ленном владении, добрые путники, – сообщил хриплый. – За проезд через мосток путевой сбор полагается.

– Что-то я не вижу гербов на ваших… хм… доспехах, – заметил Джоакин. – Лорд, владеющий лесом, хоть знает, что вы ему так усердно служите?

Косматый секироносец гыгыкнул и остановился футах в трех от груди Джоакиновой кобылы. Весьма удачная позиция чтобы с одного замаха подсечь кобыле ногу и при этом не попасть под меч всадника. Парень положил ладонь на эфес. Сзади раздался посвист. Оглянув-

шись на звук, Джоакин увидал лучника – тот сидел верхом на ветви, взведя тетиву, и лукаво подмигивал всаднику. Наконечник стрелы глядел Джоакину в затылок.

– Мы – сами себе лорды, добрые путники, – заявил старик. – Я – лорд Седой, перед вами братья-лорды Бурый и Оглобля, а тот, что на ветке, – милорд Ловкач. Пожалуйте оплату, добрые путники, и идите своей дорогой.

– Сколько? – хмуро буркнул Снайп.

– За лошадь – по две агатки, за людей – по три, за красавчика с мечом – глория будет в самый раз. Итого сколько же вышло? – старик беззубо ухмыльнулся. – Не силен в сложении…

– Примерно с елену набежало, – подытожил лучник. – А может, полторы – что-то я со счету сбился.

– Ишь… – бросил Снайп.

Тогда Джоакин спрыгнул с лошади. Бойко свистнула стрела, но прошла мимо – парень метнулся слишком быстро. Вот он уже на ногах, а вот – заносит обнаженный меч. Косматый шагнул к нему и рубанул. Джоакин отбил, лязгнула сталь. Секира ушла вниз-вбок, и пока косматый вновь заносил ее, Джоакин ударил с короткого замаха и рассек противнику предплечье. Секира брякнулась на бревна, брызнула кровь, косматый завизжал, как свинья. Красавчик шагнул к нему, но вместо того чтобы добить, обхватил противника и крутанул вокруг себя – ни дать ни взять пляска на деревенской свадьбе. Вовремя: лучник, нацелившись было, увел выстрел вбок, чтобы не попасть в товарища, и стрела, назначенная Джоакину, лишь оцарапала руку. Отбросив раненого, Джоакин выхватил кинжал из ножен и метнул. Лучник хрипнул, с хрустом обвалился наземь.

Все это случилось так скоро, что остальные едва успели прийти в движение. Снайп взял топор и спрыгнул с козел, старик, перехватив цеп, бросился к Джоакину. Разбойник, что прежде держал лошадей, надвинулся на Снайпа и обрушил секиру. Дезертир парировал, ударил в ответ. Оружие сшибалось опять и опять. Бой на топорах сравнительно нетороплив, так что Хармон имел времени в достатке. Он взвел арбалет, тщательно прицелился и пробил разбойнику правое плечо. Тот выронил оружие, и следующим ударом Снайп прорубил ему бок ниже ребер.

Хриплый тем временем теснил Джоакина. Проворно орудуя цепом, он не давал парню приблизиться для мечевой атаки. Чугунный шипастый шар на цепи угрожающе посвистывал, выписывал дуги в опасной близости от Джоакинового носа.

– Эй, седой лорд, – прикрикнул Хармон, наводя арбалет. – Ты бы бросил эту грюкалку, а то, неровен час, покалечишься…

Старик оглянулся и оценил шансы. Снайп подступил к нему.

– Хармон?.. – крикнул седой. – Никак Хармон-торговец! Сказал бы сразу, что это ты. Чего прячешься-то?!

– Да я, видишь, задремал в фургоне, – миролюбиво признался Хармон. – Проснулся – а тут такая катавасия… Но ты это, цеп все-таки положи. Иначе не выйдет у нас взаимного понимания.

Бежать было некуда – Седой стоял на мостке, зажатый Джоакином с фронта и Снайпом с тылу. Он нехотя бросил оружие.

– Хармон, ну ты сам-то… – проворчал старик. – Зачем ты с нами так, будто мы разбойники какие…

– Нет, что ты! – округлил глаза торговец. – И в мыслях такого не имел! Какие же вы разбойники? Честные лесные лорды, работники цепа и топора. Но вот мой наемник новенький – он в здешних местах впервой, не признал вас сразу… Ты уж не серчай.

Из арьергарда подтянулся, наконец, Доксет. Он толкал перед собой острием копья молоденького перепуганного паренька, рядом важно шествовал Вихренок.

– Хозяин, там в кустах еще один был, мы вот его изловили, видишь!

– Молодцы, – похвалил Хармон. – Отберите у него все железки, что найдете, и отпустите на все четыре. На кой он нам.

Хриплый старик оживился:

– Хармон, так, может, это… и я тож пойду?

– О раненых товарищах не желаешь побеспокоиться?

Секироносец с дырой в боку уже не дергался, остальные двое сопели и постанывали. Было заметно, что старику плевать на них и сохранение собственной шкуры видится ему единственно важной задачей. Однако он просипел:

– А то как же. Возьму их, значит, под ручки, и пойдем себе.

– Конечно, – кивнул Хармон. – Возьмешь и пойдешь, отчего же нет. Раненым уход нужен, старикам – покой. Тридцать агаток.

– Чего?!.

– Агаток. Это круглые такие серебряшки с женским личиком. Тридцать. Это трижды столько, сколько у тебя пальцев.

– Хармон… Хармон!.. – заныл Седой. – Хармон, слышь… Это же пол-елены! Откуда у меня столько? Помилосердствуй!

– Помнится, год назад наше с тобою знакомство стало мне в дюжину агаток.

– Так дюжина же! Не тридцать! – возопил старик.

– Так и год прошел. А деньги к деньгам липнут, как снег к снегу. И вот я думаю, что ты на мою дюжину серебряков еще полторы успел налепить. Я бы точно успел, останься та дюжина в моем кошеле.

– Они… э… они… там, в хижине.

– А то как же! Конечно, в хижине, – участливо кивнул Хармон. – Сам сходишь?

– Да, да! Мигом обернусь!

Хармон зажмурился.

– Раз, два… – раскрыл глаза. – Вот и прошел миг. Считай, обернулся. Красавчик, возьми у лесного лорда оплату.

– Э, э, стой!

Джоакин упер острие меча в кадык хриплому и выдавил капельку крови. Старик сунул руку за спину, снял с пояса висевший сзади мешочек, затем еще один. Снайп оглядел его и убедился, что изъято все. Хармон развязал мешочки и пересчитал. Двадцать четыре агатки – три полновесных серебряных глории. И еще горсть-другая медных звездочек.

– Я рад, что ты поступил осмотрительно, седой лорд. Это было весьма разумное вложение денег. Теперь забирай своих недорезанных приятелей – и прочь с дороги.

Прежде чем двинуться дальше, Снайп подобрал топоры и лук, а Джоакин выдернул из бедра лучника свой кинжал.

С полмили молодой наемник угрюмо молчал. Затем поравнялся с Хармоном и спросил:

– Это ты… вы мне, выходит, испытание устроили? Вы же знали, что у мостка эта шваль обретается?

– Ну, не то чтобы знал, но надеялся, – ответил торговец, – Год времени прошел, кто-нибудь мог удосужиться их изловить. Однако дорога, как видишь, грязная, здешние люди ее не любят, а уж рыцарский отряд точно тут не поедет, так что…

– Ну, Хармон! Вы поступили… – Джоакин замялся.

– Если у тебя там на языке вертится «подло» или «низко», или еще экое словцо, то ты его лучше придержи. Подло было бы взять с хозяина плату за охрану, а потом не суметь справиться с горсткой лесных голодранцев. Вот это было бы низко. А я поступил всего лишь неожиданно… но и прибыльно для тебя.

Хармон махнул рукой, подзывая, Джоакин нехотя подъехал поближе. Торговец протянул ему полдюжины агаток.

– Бери. Ты заслужил их. Отличная работа.

Джоакин взял монеты и глухо переспросил:

– Правда?

– Чистая. Я даже не ждал от тебя такой прыти. Ты больно уж похваляешься. Многие похваляются, но ты ловчее, чем бывают хвастуны.

Слова звучали искренне – Хармон приятно удивился Джоакинову мастерству. Но это была лишь половина удивления. Вторую вызвал кинжал.

После схватки Джоакин наспех обтер его травой от крови, а на ближайшем привале принялся основательно чистить. Увидев оружие, Хармон присел рядом, попросил поглядеть. Отличная, изящная работа: узкое сверкающее лезвие, витиеватая посеребренная гарда, но главное – два полукруглых выреза в основании рукояти, этак под черничную ягоду размером.

– Где ты взял его? – спросил Хармон.

– Боевой трофей.

– Ты же понимаешь, приятель, что это за штука?

Джоакин кивнул. Но Хармон все же уточнил:

– Это искровый кинжал. Одним касанием лезвия можно уложить тяжелого латника.

– В нем нет очей, – печально буркнул Джоакин.

– Верно, – согласился Хармон, поглаживая пальцем пустые выемки. – С очами стоил бы дороже, чем вся твоя экипировка вкупе с лошаденкой. Но и без них ты мог бы выручить за него пару елен. Хочешь, помогу продать?

– Нет, – покачал головой Джоакин.

Хармон повертел кинжал еще, разглядел вензель на навершии рукояти.

– Это парадное оружие, не боевое, – сказал Хармон. – Для сражения он слишком короток и изящен. Такой штуке место в дворцовой зале, на боку у какого-нибудь лорденыша.

– И что?

– Ты не мог взять его трофеем в бою. Мог украсть, но вряд ли, если я хорошо рассмотрел тебя. А мог добыть в поединке – это более похоже. В любом случае, за то или другое легко можешь вляпаться на позорный столб с плетьми. А если попадешь на глаза тому, кто украшает грудь таким же вензелем, – Хармон показал навершие кинжала, – то, глядишь, и пеньковым ожерельем разживешься.

– Не продам, – хмуро покачал головой Джоакин и отобрал кинжал.

По мнению Хармона Паулы, это было глупое решение. Таскать на поясе обвинение против самого себя, вместо того чтобы носить серебро в кармане, – явная дурость. Однако когда Хармон вернулся в фургон, глаза его поблескивали. Загадка. Хорошо, когда в человеке – загадка! Для него самого, может, и не особо, но вот наблюдать его со стороны, пытаться разгадать – отличная, редкая забава!

Хорошо бы девицу ему, подумал Хармон о парне. Такие, как он, особо забавны, когда влюблены… или когда в них самих влюбляются. Хармон Паула не ожидал, как скоро он окажется прав, и даже дважды.

Стрела

Апрель 1774 года от Сошествия
Кристальные горы (герцогство Ориджин)

– …По этой самой тропе! Наши Праотцы – сотня здоровых мужиков, все как на подбор суровые, крепкие, бородатые; им все нипочем, как дикому вепрю. А среди них – семнадцать нежных цветочков, розовых таких жемчужинок – святые Праматери. Они ступают по тропе своими тонкими ножками, со всех сторон окруженные надежной мужской защитой. Янмэй Милосердная и Светлая Агата, и Мириам Темноокая, и…

«Ты всех семнадцать Праматерей перечислишь или кого забудешь? Или устанешь наконец?» – подумал с надеждой Эрвин. Говоривший, однако, не знал усталости. Он звался бароном Филиппом Лоуфертом и являлся имперским наблюдателем при экспедиционном отряде. Для всякого похода за известные границы Империи необходимо включать в число участников человека, напрямую служащего Короне, – закон Константина, издан в тринадцатом веке… Филиппу Лоуферту было изрядно за сорок, он носил козлиную бородку и считал себя гением красноречия.

– …Женщина – это жемчужинка, и ей подобает лежать на мягком ложе в безопасном укрытии раковины, в объятиях железного панциря. Вот каков должен быть мужчина – несокрушимый, жесткий, а внутри него – нежная душа, раскрывающаяся только…

Одежда Филиппа пестрела золочеными вензелями повсюду, куда только можно было их влепить. С этакой слащавой улыбочкой он изрекал банальные пошлости непрерывным, безудержным потоком.

– …Только тогда женщина будет счастлива с вами, если сможете оградить ее непробиваемой стеной и заслонить от жестокого мира. Вот так, молодой человек.

Ах, да. Еще он упорно называл Эрвина Софию Джессику, наследного герцога древней земли Ориджин, «молодым человеком».

– Я чрезвычайно благодарен за науку, барон. Вы раскрыли мне глаза, – сообщил Эрвин.

Филипп не уловил сарказма.

– Да, молодой человек, быть мужчиной – это искусство. Когда я впервые оказался в этих горах…

Скалы – взметнувшиеся к небу величавые громады – выглядели хрупкими. Много веков назад неведомая сила ударила в них и расколола, раскрошила, как стекло. Сквозь горный хребет, прорезая его, легло ущелье – зияющая рана, заваленная обломками породы. Мельчайшие были размером с мизинец, крупнейшие – со сторожевую башню, поваленную и замершую на дне ущелья в нелепом угловатом равновесии. Среди обломков находила себе путь река, шипела и журчала, вспенивалась, порою подхватывала несколько камней и волокла, сбивая в нестройные груды. И тут же река принималась злиться, становилась на дыбы, преодолевая собою же созданные заторы. От потока восходили склоны ущелья – сперва плавно, затем круче, а затем превращались в отвесные темные стены, испещренные прожилками блестящих пород. Вдоль подножья скал, в сотне ярдов над рекой, лепилась к склону тропа, по ней, неторопливо извиваясь, ползла цепочка путешественников.

Отряд состоял из сорока человек. Его ядро составляли одиннадцать кайров – северных рыцарей, прошедших посвящение. Каждого кайра сопровождали двое греев – пеших воинов, состоящих в услужении у рыцарей. Воины делились на две группы – ведущую и замыкающую, защищая отряд с фронта и тыла.

В авангарде ехал также механик Луис Мария. То и дело он останавливал коня, чтобы зарисовать некую деталь рельефа, и весь отряд принужден был останавливаться вместе с ним. Герцог Десмонд Ориджин питал наивные надежды на то, что через Кристальные горы можно

проложить рельсовую дорогу. Он отдельно оговорил это, когда давал распоряжения Эрвину и Луису. Следуя приказу, механик старательно наносил на карту маршрут и помечал преграды, которые придется устранить.

В безопасной середке отряда ехали Эрвин с имперским наблюдателем. В спину им дышали вьючные ослы, ведомые греями. Животные издавали характерный запах, отлично ощутимый благодаря попутному ветру. Процессия двигалась со скоростью самого медленного ослика, то есть еле ползла.

Ширины тропы хватало лишь на одного всадника, Филипп Лоуферт ехал на корпус позади Эрвина и без устали разглагольствовал. Его слова смешивались с колоритным благоуханием вьючных ослов.

– Когда я впервые оказался в Кристальных горах, со мною была девушка по имени Вильгельмина. У нее были золотые кудри и глаза – как спелые оливки, и фигура… Да, на фигуру стоило посмотреть. Мы поднялись с нею на скалу, вот туда, на самую верхушку, встали на краю. От ветра волосы растрепались, прямо как грива у льва. Я обнял ее сзади, повернул лицом к ветру и спрашиваю: «Чувствуешь?»

Тьма, до чего же болят ноги! Шестые сутки пути, часов по десять в седле каждый день. Эрвин всерьез подозревал, что его бедра стерлись уже до костей, и удивлялся, как еще не тянется за ним по земле кровавый след. Спина каменела от постоянного напряжения, Эрвин позабыл о том, что когда-то обладал чудесной способностью наклоняться без боли. Вчера он попробовал пойти пешком, и, как назло, весь день тропа вела то вверх, то вниз, переваливая через многочисленные уступы. К вечеру Эрвин взмок от пота и хватал воздух ртом, как загнанная лошадь. Одежда отвратительно прилипала к телу, ступни горели, кожа покрылась пунцовыми пятнами. Он поражался нечеловеческой выносливости пехотинцев, умудрявшихся тащить на себе амуницию. Сам-то Эрвин шел налегке, предоставив свой немалый багаж заботам осликов. Он оставил при себе только меч и получил от него тринадцать ударов по щиколотке, шесть – по колену, и вдобавок две весьма ловких подсечки (Эрвин вел счет). Сегодня он не стал повторять вчерашний подвиг и поехал верхом. Бедра, стертые о седло, – все же меньшее из зол.

– …И я спрашиваю Вильгельмину: «Чувствуешь?» А она мне: «Что чувствую?» Я прижимаю ее к себе покрепче и говорю: «Священную силу». И она в ответ: «Это просто ветер дует», – а я говорю: «Нет, это сила любви. Разве ты не знала? Святые Праматери сошли в мир из этих самых скал и принесли с собою любовь! С тех пор Кристальные горы наполнены силой любви!»

Отец говорил: благородный человек должен воспитывать в себе терпение ко всему – к боли, морозу и жаре, усталости и голоду. А как насчет терпения к скабрезностям? Как бы вам понравились, милорд, шесть дней пути бок о бок с… вот с этим?

– А знаете, молодой человек, как называют вон те две округлых вершины?

Где уж мне знать! Я всего лишь родился и вырос в этих горах.

– Это Перси Святой Катрины, – провозгласил Филипп. – А вон та узкая темная пещера – слыхали ее прозвище?

Эрвин ужаснулся при мысли о том, что, возможно, сейчас услышит, и поспешил перехватить инициативу:

– Пещера зовется гротом Косули. В ней Светлая Агата расположилась для ночлега, изнемогая от голода, как вдруг увидела худую белоснежную косулю. Воин, что был с Агатой, схватил копье, желая убить животное, но Праматерь удержала его руку со словами: «Отпусти ее. Она слаба и одинока, будь милосерден». Косуля убежала в глубь грота, Праматерь из любопытства пошла за нею. Пещера пронизывала всю скалу, и вскоре Светлая Агата добралась до выхода на западный склон горы и оттуда увидела цветущую плодородную долину.

Эрвин говорил подольше, стараясь оттянуть продолжение Филиппова словоблудия, но вот неизбежный момент наступил.

– Да-да, именно это я и рассказал Вильгельмине, когда мы вошли в грот Косули.

Отряд в очередной раз остановился, Филипп Лоуферт подъехал ближе к Эрвину, самодовольно улыбаясь.

– Тогда Вильгельмина спрашивает меня: «А почему Праматерь Агату называют Светлой?» А я и отвечаю: «Из-за цвета волос, они были у Агаты словно жидкое серебро. А тебя, милая, менестрели назовут в своих песнях Вильгельминой Златокудрой». Я сказал это и зарылся лицом в ее волосы, а она так и замерла. Женщины обожают, когда ласкаешь их волосы. Запомните это, молодой человек.

С меня хватит. В конце концов, я – глава эксплорады, мое место – впереди! Эрвин отпустил поводья и двинулся по тропе к авангарду.

– Почему снова встали?! В чем заминка?

Греи сторонились и прижимались к скале, пропуская лорда. Но, видимо, не особо расторопно, а может быть, Эрвин ехал слишком быстро. Один из воинов не успел отскочить, и герцогский жеребец сшиб его с ног. Невезучий пехотинец слетел с тропы и покатился по склону. Десятью ярдами ниже он угодил ногой в щель меж камней, послышался хруст. Греи учатся терпеть боль молча, но этот не справился и заорал во все горло.

Первым порывом Эрвина было спрыгнуть с коня, сбежать вниз и попытаться помочь несчастному. Он замешкался, примериваясь, как бы спуститься безопасно и самому не скатиться в ущелье. Тем временем Теобарт – капитан кайров – выкрикнул приказ, и несколько воинов побежали к раненому. Когда Эрвин добрался до места, они вытаскивали покалеченную ногу из расщелины, а раненый кусал себя за руку, пытаясь сдержать крик. Подошел Фильден – лекарь отряда. Бесцеремонно ощупал ногу, срезал штанину. Кость была переломана в двух местах, иззубренный обломок разорвал кожу и торчал наружу, лилась кровь. Эрвина замутило, он отвернулся, уставился на реку. Раненый то затихал на время, то вновь захлебывался воплем, а лекарь отрывисто приказывал что-то. Эрвин не смотрел на них, но и не уходил. Наконец крики прекратились. Нога воина была перемотана тряпицей и обжата двумя деревянными брусками, связанными меж собой. Лекарь вытирал ладони от крови.

– Раненого зовут Бак, – доложил капитан. – Он грей кайра Джемиса.

Эрвин пока так и не выучил имен всех своих подчиненных, но Джемиса помнил: этот кайр взял с собою пса.

Джемис встал над раненым, оглядел его сверху вниз. Серая овчарка появилась рядом с хозяином, деловито обнюхала кровавую повязку на ноге грея, лизнула. Бак смотрел на кайра виновато и испуганно.

– Скотина, – процедил Джемис. – Неуклюжая тварь.

– Простите, господин, – выдавил Бак.

– Ты должен был уступить дорогу лорду.

– Да, господин. Моя вина.

– И что мне теперь делать с тобой?

Овчарка почуяла настроение хозяина и ощерилась. Раненый грей сжался, обхватив себя руками. Эрвину следовало бы сейчас вернуться на тропу и предоставить кайру Джемису наказать грея любым угодным способом. Эрвин – наследный лорд; Бак – низкородный мальчишка лет четырнадцати, крестьянский сын, судя по широкому веснушчатому лицу. Не может быть сомнений в том, кто из них виновник происшествия.

Позже Эрвин не раз спрашивал себя – отчего же он поступил иначе? Зачем-то взял и сказал:

– Джемис, ваш грей ни в чем не виноват. Это я был неосторожен на тропе.

Кайр обернулся к лорду. Злость на его лице дополнилась недоумением, растерянностью. Джемис лишился слуги в самом начале долгого похода, и это создаст ему массу неудобств. До последнего момента он хотя бы знал, на ком сможет выместить досаду. Теперь вину взял на себя лорд, тем самым лишив кайра возможности выплеснуть раздражение и наказать виновника.

– Милорд, не защищайте его, – проворчал Джемис. – Он – тупая скотина, я сожалею, что взял его в обучение.

Кайр пнул раненого.

– Прекратите, – приказал Эрвин. – С вами двое греев, верно? Второй будет служить вам в походе, когда Бак вернется в Первую Зиму.

– Милорд, никуда он не вернется! – отрезал Джемис. – Я не позволю ему прохлаждаться!

– Вы с ума сошли?! – удивился Эрвин. – Как он сможет идти?

– Фильден, сколько времени нужно, чтобы срослись кости? – Джемис повернулся к лекарю.

– Месяц.

– Месяц этот дурак проведет верхом на осле. А потом отработает с лихвой! Я его научу ловкости.

Эрвин нахмурился, происходящее начало сильно его беспокоить. По северным законам кайр – полновластный хозяин грея. Лорду не следует вмешиваться в их взаимоотношения. Однако суть в том, что Эрвин отдал прямой приказ, а Джемис ослушался. Неподчинение нельзя спускать ни при каких обстоятельствах – уж этот урок Эрвин хорошо усвоил от отца.

– Кайр, вы меня, похоже, не услышали, – процедил молодой лорд. – Я сказал, что раненый вернется в Первую Зиму.

– Милорд, – возмутился Джемис, – но это же мой грей!

– Мне плевать, чей он! – бросил Эрвин с нарастающим раздражением. – Будь он хоть слугой архиепископа, он все равно вернется в Первую Зиму, поскольку я так решил.

Джемис упрямо склонил голову, взвешивая на языке слова. Капитан Теобарт внимательно прислушивался к диалогу, но не спешил вмешиваться. Лекарь и несколько греев также были рядом. Внезапно Эрвин осознал, чем дело обернулось для него: испытанием. Если кайру хватит наглости ослушаться лорда, весь отряд узнает об этом, и Эрвин будет опозорен. Придется наказать Джемиса… но тогда выйдет, что и раненый, и его хозяин пострадали из-за Эрвиновой неуклюжести. Грей – простолюдин, плевать на него. Но наказать рыцаря за свою собственную промашку – это не к лицу лорду.

Эрвин не знал, что делать в таких ситуациях. Он буравил Джемиса взглядом и ждал, всей душой надеясь, что тот подчинится.

– Милорд, – вымолвил кайр, – у Бака нога сломана, он сам не доберется до Первой Зимы. Прикажете ему умереть по дороге? Или мне следует отдать второго грея ему в няньки?

Вопрос попахивал откровенной издевкой. Кровь бросилась в лицо Эрвину, он против воли сжал кулаки. Серая овчарка Джемиса подняла морду и пристально смотрела на Эрвина.

– Кайр, я дам своего грея в сопровождение раненому, – ледяным тоном вымолвил лорд. – У вас имеются еще вопросы?

Вот тут капитан Теобарт сделал худшее, что только мог выдумать. Он сказал Джемису:

– Выполняйте приказ, кайр.

– Слушаюсь, капитан, – с ухмылкой кивнул Джемис и потрепал по холке собаку.

На самом деле, к походной жизни можно привыкнуть.

Можно смириться с солнцем, которое светит особо яростно именно тогда, когда ты движешься в гору, и выжимает из твоей спины ручьи пота. Можно привыкнуть и к холоду, который воцаряется на теневом склоне, едва только солнце спрячется за вершинами. К зябкой сырости,

что ночью заползает в шатер, выпадает росой на одежду и одеяла и заставляет тебя дрожать, как мокрый щенок. С пищей свыкнуться сложнее: она жестка, как подметка, и настолько солона, что скулы сводит; а в качестве разнообразия на вечернем привале можно отведать смердящего варева из котла. Можно, в конечном итоге, привыкнуть и к вечной грязи под ногтями, и к слою пыли на волосах, и к необходимости совершить пробежку в сотню ярдов, если желаешь в уединении справить нужду. Приходится смириться и с вонью, которая неизменно сопровождает отряд: смрад конского навоза, ослиной мочи, человеческого пота, грязной одежды… Искусство путешественника состоит в том, чтобы ничего не замечать. Умелый путник подобен волу или корове: он впадает в состояние блаженного тупого безразличия. Бредет и ест, ест и бредет, не заботясь ни о чем…

Эрвин тщетно старался привести себя в нужное состояние духа. Боли в ногах и спине, мозоли на самых неожиданных частях тела, жар и холод, собачий рацион – он тешил себя надеждой, что когда-нибудь (не завтра, конечно, но спустя время) сможет как-то смириться со всем этим. Что давалось сложнее всего – это мыслительный голод. День за днем проходили без единой интересной беседы, без новостей, без открытий, не давая уму даже скудной пищи. Пустая голова ныла куда мучительней пустого желудка, требовала подпитки. Величавые картины природы сменялись слишком медленно, разговоры были редки и пусты. Мысли Эрвина, не находя достойного предмета, вновь и вновь обращались к безрадостным темам: отцовской несправедливости, позорному замужеству сестры, упущенной политической возможности. С утра до ночи Эрвин ходил угрюмый, как ворон. Все, что он оставил в Первой Зиме, было из рук вон плохо. Любое воспоминание нагоняло тоску, тот же результат давали и мысли о будущем. Осенью, когда отряд вернется, император уже заключит помолвку; более расторопные из Великих Домов получат призы: владения, льготы, привилегии. Ориджины же так и останутся прозябать в своих славных и нищих просторах. Прекрасная Иона станет хозяйкой огрызка земли, по причуде истории именуемого графством. Она выносит в себе купеческого сыночка, который – по еще одной странной причуде – получит родовое имя Светлой Агаты. Деньги, взятые выкупом за невесту, будут потрачены с великой пользой: под мостовой Соборной площади выстроится огромная могила с полусотней комфортных склепов, один из которых – о счастье! – достанется ему, Эрвину Софии Джессике, наследному герцогу Ориджину.

Впрочем, сегодня к букету жизнерадостных мыслей добавилась еще одна – новая, свеженькая. Стычка с кайром Джемисом не шла из головы. Скверный это был случай, если задуматься. Такого происходить не должно.

Джемис позволил себе пререкание с лордом, да еще в присутствии свидетелей. Возможно, справедливость была на его стороне. Возможно, не Эрвину следовало решать, как поступить с греем Джемиса. Но суть не в том, кто прав. Суть в том, что Джемис зарвался, а Эрвин спустил. Прозевал тот короткий решающий миг, когда нужно было показать твердость, жестко пресечь спор и наложить наказание. А затем вмешался капитан Теобарт и испортил положение лорда. Он подтвердил приказ Эрвина, а строптивый кайр подчинился. Фактически выполнил то, что требовалось, но показал, что повинуется лишь капитану, а не герцогскому сынку. На вечернем привале весь отряд узнает про это. Даже если смолчит сам Джемис, то уж точно разболтают греи.

И вот возникает вопрос: чем окончится поход, если сорок вооруженных мужчин возомнят, что могут не подчиняться лорду?

– Теобарт, – позвал Эрвин. Капитан обернулся:

– Милорд?

О чем я, собственно, хотел спросить? Вы сознавали, капитан, какую дурость делаете, когда окунули меня носом в грязь? Не планируете ли вы, случаем, поднять мятеж?.. Теобарт

терпеливо ожидал вопроса. Морщинистое суровое лицо, седая борода, обритый наголо череп. Глаза холодные, но ясные, без тени хитринки.

Капитан Теобарт знаком Эрвину с детства. Шестой сын небогатого кайра, в семнадцать лет Теобарт уже и сам получил красно-черный плащ, а в двадцать три сделался оруженосцем герцога Ориджина, Эрвинова отца. Они бились бок о бок на нескольких войнах. Говорят, Теобарт дважды спасал великого лорда от смерти. Говорят, один из долгов герцог вернул. Теобарт – не горячая голова. В Первой Зиме он оставил жену и трех дочурок. Надеется дожить до старости, получить от герцога кусок земли в награду за верную службу и оставить дочкам хорошее наследство.

Вне сомнений, герцог Ориджин приставил его к Эрвину в качестве няньки. Опытной такой, рассудительной, бритоголовой няньки, весьма скорой в обращении с мечом. По всей видимости, Теобарт действовал из одних лишь благих побуждений. Решил, что Эрвин не справится с Джемисом, вступился на стороне лорда. Добрый рыцарь, по идее, именно так и должен поступать…

– Где остановимся на ночлег? – наконец спросил Эрвин.

– До заката еще около часа, милорд. Мы успеем подняться на уступ под южным склоном Орла, – указал Теобарт рукой, – там будет достаточно места для лагеря.

Эрвин огляделся. Тропа спустилась ближе к реке, и отряд как раз вышел на просторную поляну с несколькими приземистыми деревцами. Поляну, мурлыча, пересекал ручеек, вливался в речку.

– Капитан, заночуем тут, – скомандовал Эрвин.

– Милорд, из-за близости к воде здесь будет очень сыро. На уступе место более подходящее.

– Остановимся здесь, – повторил Эрвин.

– Да, милорд.

Капитан отдал приказ, отряд остановился, всадники спешились.

– Теобарт, – добавил Эрвин, – я хочу, чтобы этой ночью первую вахту нес кайр Джемис.

Капитан ответил очень спокойно – не возразил, а проинформировал:

– Ночная вахта – дело греев, а не кайров, милорд. Рыцарям редко дают подобные поручения.

– Я это знаю.

– Слушаюсь, милорд.

Эрвину остро захотелось отдать какое-нибудь абсурдное распоряжение: поставить шатры среди реки, пустить на мясо осла, отправить четверку кайров собирать эдельвейсы. Он всегда презирал лордов, что проверяют свою власть при помощи дурацких приказов, а вот сейчас на удивление хорошо понимал их чувства.

– Теобарт, велите разжечь для меня отдельный костер.

Обычно, останавливаясь на привал, разводили два огня: для греев и для кайров. Эрвин, имперский наблюдатель и механик присоединялись к рыцарям. Даже для двух костров топливо находилось с трудом: жесткие скрюченные деревца едва годились на дрова, валежника было мало, как и сухой травы. Третий костер означал лишний час поисков топлива в окрестностях лагеря и не давал никакой практической пользы.

– Слушаюсь, милорд, – кивнул капитан.

При всем богатстве фантазии, Эрвин не смог бы назвать это своим управленческим успехом. Но все же на душе стало спокойнее.

Он подозвал Томми – своего оставшегося денщика – и велел распаковать багаж. Эрвин взял с собою несколько вещиц, надеясь скрасить ими быт путешественника. По походным меркам, они оказались настолько причудливыми, что до нынешнего дня Эрвин стеснялся выставлять их напоказ. Слуга распаковал складной стол с тремя стульями; бочонок шиммерийского

вина, голову сыра, копченый окорок, горшок оливок, несколько яблок и жестянку шоколадных конфет. На столе появилась даже масляная лампа, в которой заплясал уютный желтый огонек.

Для светского ужина не хватало лишь гостей. Эрвин пригласил барона Филиппа и механика Луиса, оба с большим удовольствием согласились. Филипп даже раздобыл из собственного багажа жбан крепкой пряной настойки, по его словам – литлендской. Конечно, имперский наблюдатель слащав и глуп, а механик – низкородный мещанин, но все же это образованные люди, выходцы из Земель Короны.

Костер возле лордского стола был зажжен первым. Греи еще складывали поленья для двух других очагов, когда Эрвин с гостями приступили к трапезе.

– Приятно смотреть на огонь, – приговаривал Филипп, отрезая себе шмат мяса. – Пламя пробуждает в человеке его сокрытое нутро. В каждом из нас, молодые люди, дремлет звериная сила. Особенно она могуча в женщинах. Какой бы кроткой ни была девица, но стоит разбудить в ней спящую силу – и вы увидите пред собою пантеру.

Он рассказал о нескольких кротких девицах, которых знавал. Поведал и о том, какое особое наслаждение – предаваться любви на снегу у горящего костра. Эрвин не вслушивался в слова, но само звучание голоса доставляло ему удовольствие, поскольку Филипп говорил с восточным акцентом: подтягивал «у», припадал на «ш», смягчал «а» настолько, что они превращались почти в «э». Так говорят в Фаунтерре, в особняках столичной знати; с таким вот акцентом мурлычут надменные первородные леди и франтовитые судари с искровыми рапирами на боках.

Механик Луис Мария чувствовал себя поначалу неловко, но вино и сытость сделали свое дело, постепенно он разговорился. До сей поры Эрвин не давал себе труда присматриваться и прислушиваться к нему. Лорд питал к Луису ощутимую антипатию и предпочитал держать его на расстоянии. Не то чтобы Луис чем-то не угодил ему. Все дело в диспозиции, как сказал бы полководец. В той диспозиции, которую занимал Луис по одну сторону двери, в то время как по другую сторону этой двери старый герцог смешивал с грязью молодого.

Однако сейчас, под вкус шиммерийского вина, Луис показался Эрвину весьма забавным человечком. Механику едва ли исполнилось двадцать пять. У него были волнистые волосы цвета соломы, наивные зеленые глаза и веснушки на щеках. Он стеснялся и становился комично рассеян: совал в рот нож вместо вилки, пытался хлебнуть из опустевшего кубка, невпопад всхохатывал и постоянно просил прощения за что-нибудь.

Как выяснилось очень скоро, Луис Мария был влюблен. Где-то в Землях Короны его ждала девица, которую механик называл не иначе как «моя леди». Он не ставил целью похвастаться, а, кажется, просто не мог не говорить о своей даме сердца. Со слов Луиса выходило, что «его леди» – нежное большеглазое тщедушное создание, сродни горной лани. И только слепой мог не заметить, что «его леди» – прекраснейшая из женщин на свете!

– Молодой человек, давеча вы были среди гостей на свадьбе в Первой Зиме, – с некоторой насмешкой заметил Филипп. – И, конечно, видели сестру лорда Эрвина – леди Иону. Что же тогда вы скажете о женской красоте?

– Милорд, вы меня простите, – смешался Луис и покраснел до кончиков ушей, – я ничего плохого… Вы не подумайте, милорд, я в высочайшем… глубочайшем восторге и в полном почтении к леди Ионе! Но если бы вы видели мою леди, милорд, то вы бы поняли! Она…

Луис растерялся, пытаясь подобрать слова.

– …Моя леди – она как тончайшее белое кружево, как лебяжий пух! Даже боюсь дотронуться – кажется, мои руки слишком грубы, чтобы коснуться ее кожи, а мои слова слишком неуклюжи для ее слуха. Боюсь даже дохнуть в ее сторону. Вот кажется, вдруг подую – а она погаснет, словно огонек свечи! Такая она, милорд!

– Это скверно, молодой человек, что боитесь дотронуться, – со знанием дела вставил Филипп. – Девицы любят, когда их трогают, и чем грубее – тем лучше. Схватите ее покрепче, молодой человек, и она тут же растает.

– Нет, нет, что вы! – в ужасе вскричал Луис. – Я ни в коем случае, у меня исключительно чистые помыслы! Как только вернусь из эксплорады, тут же попрошу руки моей леди. Только бы боги были милосердны и уговорили ее согласиться! Если хотите знать, мне и деньги-то нужны, чтобы составить достойный выкуп за невесту. Потому я и в путешествие нанялся!

– Ради выкупа-то? – Филипп хохотнул. – Что за чушь! Вы бы лучше на эти деньги купили ей парфюм или брошь жемчужную – тогда-то девица падет в ваши объятия. А сватовство – это потом успеется. Свататься будете, когда сударыня уже иссохнется, изойдется от тоски по вас. Тогда она своего папеньку уговорит и безо всякого выкупа за вас пойдет. Уж будьте уверены, молодой человек!

– Вы говорите ужасные вещи, сударь! Поверьте, что я питаю к моей леди самые чистые и высокие чувства и никогда себе не позволю…

– Чтобы вы знали, молодой человек: высокие чувства – это признак мужского бессилия.

Эрвин слушал, не вмешиваясь в их перепалку. Механик со своей щенячьей влюбленностью оказался прекрасным развлечением, вполне способным развеять походную скуку. Ирония заключалась уже в самом его присутствии здесь: как только угораздило это двуногое чудо оказаться в походе с четырьмя десятками головорезов?..

Начинало темнеть. Неаппетитные запахи из солдатских котлов и оживленные голоса греев говорили о том, что остальные члены отряда наконец тоже приступили к трапезе. Эрвин высмотрел кайра Джемиса: тот прохаживался вдоль восточного края лагеря, серая овчарка лежала неподалеку, переводя голодные глаза с котла на хозяина – и обратно к котлу. Прелесть первой вахты состоит в том, что часовые вынуждены дежурить с пустым желудком и глотать слюни от запахов чужой еды. Лишь после полуночи, сменившись с вахты, можно будет перекусить холодными объедками.

Кайр Джемис поймал взгляд Эрвина и положил руку на эфес. Традиционный жест бдительности часового смотрелся в данной ситуации весьма двусмысленно. Потом Джемис перевел взгляд на Луиса и качнул головой – коротко, но красноречиво. Он, низкородный южный сопляк, жрет лакомства с вашего стола, милорд, пока я – славный рыцарь и ваш соотечественник! – захлебываюсь слюной. Эрвин подмигнул Джемису: то-то же, делай выводы.

Когда он вновь прислушался к разговору, тема уже переменилась, разногласия между Луисом и Филиппом были забыты.

– Моя леди, сударь, – она без ума от столичной жизни, – рассказывал механик барону. – Бедняжка всего единожды была в Фаунтерре, и то лишь месяц, но с тех пор все время вспоминает! Она будет так рада, если я смогу рассказать ей что-то о столице. Ведь вы жили в Фаунтерре, сударь? Знакомы ли с владыкой? Каков он? Как проходят приемы?

– Наш владыка Адриан – великий человек, – со значением изрек Филипп. – Раз в столетие посылают боги на Землю такого правителя. То, что нам кажется незыблемым и вечным, для Адриана – не преграда. Если на его пути окажется море, он скажет: «Копайте здесь и здесь», – и будут копать, пока море не стечет и не исчезнет. Все в нашем мире подвластно желанию императора. Воля владыки – самое твердое, что есть на свете. Все остальное вынуждено подстроиться под нее, как молоко принимает форму кувшина, в который налито.

– А дворцовые приемы? Правда ли они столь великолепны, как рассказывают?

– Молодой человек, я не видел ничего великолепней и блистательней, чем двор владыки Адриана!

Эрвин повел бровью. Он не встречал Филиппа ни на одном из множества балов, устраиваемых Короной, да и сам барон Лоуферт не очень-то напоминал персону из высшего общества. Механик, однако, принимал повествование Филиппа за чистую монету.

– Расскажите, прошу вас, во всех подробностях. Я постараюсь запомнить для моей леди!

Филипп рассказал, обращая особое внимание на женскую сторону вопроса. Какие девицы бывают на балах, во что наряжаются, как себя ведут, и в особенности как они падки на зрелое очарование уверенного в себе мужчины.

– Вы понимаете, сударь, что я не могу раскрывать подлинных имен. Тою зимой при маскараде встретил я одну хорошенькую юную леди в маске иволги – назову ее, скажем, Марие-еттой. И вот я закружил ее в танце, а Мариетта щебечет из-под своего клювика: «Сир, у вас такие крепкие руки! Вы, наверное, привычны к оружию потяжелее, чем рапира». А я говорю: «Сударыня, мое главное оружие – не железный клинок»…

Эрвин отправлял в рот оливки, маленькими глотками смаковал терпкое вино. Кайры издали поглядывали в его сторону, жуя овсянку. В отблесках огней сложно было понять их выражения, да Эрвину и было все равно. Ну, если приложить немного усилий, то будет все равно. Поглядывают – и пусть себе.

– А кто из дам красивее всех при дворе? – спросил механик.

– Молодой человек, этот вопрос сразу выдает в вас мужчину, далекого от столицы. Красивейшая леди двора и столицы и всех центральных земель – это, конечно, Аланис Альмера, дочь герцога Айдена.

– О, я слышал это имя! Расскажите, будьте добры! Моя леди так интересуется светской жизнью, так любит послушать о придворных!

Филипп с удовольствием потер руки, наслаждаясь ролью рассказчика.

– Леди Аланис – это бриллиант, который боги своими руками создали, отшлифовали и послали на Землю, чтобы люди поняли, какова есть истинная красота. Когда увидите ее, вы не сможете отвести взгляд, будете взирать на нее, онемев от восторга. Леди Аланис блистает на спортивных играх – зрители рыдают от восхищения, когда она выходит на арену, ступая своими длинными божественными ножками! А кроме того, леди Аланис приходится любимой дочерью и наследницей первому советнику владыки.

Досада царапнула горло Эрвину. Леди Аланис Альмера являлась одной из фигур его плана – прекрасной беспроигрышной стратегии, которой не суждено реализоваться. Эрвин не испытывал ни малейшей симпатии к самой Аланис, но то, чего он добился бы, используя ее, – о-о-о!.. Приз мог превзойти самые буйные фантазии!

– Вы умолчали о главном касательно данной персоны, – сказал Эрвин. – Когда мы вернемся в Первую Зиму, леди Аланис Альмера будет императрицей.

Луис Мария округлил глаза и подался к лорду в живейшем любопытстве. Филипп обиженно проворчал:

– Отчего вы так уверены, молодой человек? Леди Аланис наделена множеством достоинств, но и две другие претендентки – замечательные девушки!

Эрвин снисходительно улыбнулся.

– Сударь, вы полагаете, брак императора хоть как-то связан с личными качествами его невесты?

– По-вашему, владыка Адриан – слепой? Думаете, он не сумеет отличить красивую женщину от заурядной? Вы меня поражаете, молодой человек!

Эрвин лишь покачал головой. Он отлично знал, чем продиктован императорский брак, когда и как, на каких условиях будет заключен. Эрвин изучал этот вопрос с той тщательностью, с какой штурман изучает карты, готовясь вести судно в плавание. Но сыпать этими знаниями за кружкой вина, чтобы утереть нос одному глупцу и впечатлить другого?..

– Пожалуй, вы правы, сударь, – сказал Эрвин, и Филипп с важным видом кивнул.

– Так вот, Луис, я говорил о леди Аланис Альмере… – продолжил имперский наблюдатель.

И вдруг его голос пропал, прекратил достигать слуха Эрвина. Следом пропал и сам Филипп, и механик с ним вместе, и солдатские костры, и кайр Джемис с овчаркой, и горы… Одна беседа, случившаяся полгода назад, возникла в памяти и поглотила внимание Эрвина. То было ранней осенью во дворце Пера и Меча, в банкетном зале, где гремела музыка. С того разговора все начиналось.

2 сентября 1773 г.
Фаунтерра, престольная резиденция

– Ваша светлость, я рад передать вам слова почтения, сказанные моим отцом. Герцог Десмонд Ориджин желает вам долгих лет здравия и благополучия.

Собеседник Эрвина имеет весьма узнаваемую внешность: ястребиный нос, седые бакенбарды, угловатые скулы, выдающаяся нижняя челюсть. Аристократ высочайшей пробы, с малых лет привычный к огромной власти. Айден Альмера рода Праматери Агаты – властитель пятидесяти городов, шести судоходных рек и двадцати миллионов акров земель в самом центре Полариса.

– Благодарю, милорд. Прошу вас передать отцу мои ответные пожелания благоденствия. Пусть слава и богатство дома Ориджин множится от года к году, к нашей общей радости.

Герцог Айден Альмера – сверстник Эрвинова отца, Десмонда Ориджина. Положение в обществе и дальнее родство сближает их, придавая их отношениям подобие дружеских. Люди одного поколения, великие лорды, правители двух сильнейших земель империи, отпрыски рода Светлой Агаты – четвертой по счету среди Праматерей и красивейшей из них.

Айден Альмера всячески старается подчеркнуть тесноту уз, связывающих его с домом Ориджин: при каждом празднике шлет богатые дары герцогу Десмонду, в разговорах с ним по возможности использует местоимение «мы», не устает напоминать, как велик и славен род Агаты, и сколь важно его отпрыскам держаться вместе и оказывать друг другу поддержку. Недаром есть поговорка: «Лишь северянин умеет любить Север, лишь Агата может понять Агату». Айден Альмера родился тысячью миль южнее Ориджина, но не пожалел времени, чтобы посетить Первую Зиму и выказать свою глубочайшую заинтересованность в делах Севера. Наконец, герцог Альмера поощряет дружбу своей дочери Аланис с Ионой Ориджин. «Мои принцессы», – говорит он, видя девушек, и на миг даже оттаивает в теплой улыбке.

Герцог Десмонд Ориджин принимает за чистую монету все эти знаки симпатии и уважения – и совершает ошибку. За видимой общностью великих лордов скрываются существенные различия. Десмонд – воин до мозга костей, человек чести, презирающий любую хитрость, кроме тактической. Айден – расчетливый политик, вознесшийся на костях чужого неудачного заговора. Десмонд беднеет год от года, влезает в чудовищные долги, чтобы поддержать видимость блеска. Айден получает доход с двух искровых плотин и нескольких сотен ремесленных цехов, его прибылям может позавидовать и Корона. Десмонд правит северной окраиной державы и посещает столицу раз в несколько лет; Айден – первый советник императора. Герцог Ориджин выдал дочь за купеческого внука; герцог Альмера прочит свою наследницу замуж за государя.

Именно в этом, последнем обстоятельстве и состоит подлинная причина дружелюбия Айдена. Аланис Альмера – первая красавица государства, но для брака с императором ей необходим также политический вес. Слово великого герцога Ориджина в поддержку Аланис существенно повышает ее шансы на корону.

– Я также хочу выразить свое восхищение вашей дочери, неотразимой леди Аланис, – говорит Эрвин.

– Ничто не мешает вам сказать это ей самой, не так ли, милорд?

Похвалы в адрес дочки приятны Айдену, она – такой же предмет его гордости, как и древность рода, и могущество управляемой им земли. Однако герцог старается скрывать это.

– Верно, ваша светлость, я буду счастлив возможности побеседовать с нею. Впрочем, судьбу дочери лучше обсуждать с отцом, нежели с нею самой, не так ли?

Музыка звенит, переливается трелями. Чтобы слышать друг друга, собеседникам приходится почти соприкасаться головами. Но это дает уверенность в том, что предмет разговора останется между ними.

– Ваш отец, милорд, имеет соображения относительно будущей судьбы моей дочери?

– Мой отец заверяет, что примет самое деятельное участие в судьбе вашей дочери, как и было согласовано. Герцог Десмонд Ориджин сделает все, от него зависящее, чтобы брак леди Аланис устроился наилучшим образом ко всеобщему счастью.

Летом, при визите в столицу, герцог Десмонд обещал Айдену долгожданную поддержку. Так что сказанные Эрвином слова не содержат ничего нового – это лишь подтверждение уже действующего договора между Ориджином и Альмерой. Но, придав голосу вкрадчивый оттенок, Эрвин дает понять, что имеет в виду нечто большее. Лорд Айден приподнимает бровь.

– Ваш отец – человек чести. Вряд ли его слово, данное мне, нуждается в повторном подтверждении. Уверен, он послал вас ко мне не за этим.

Он вовсе меня не посылал, думает Эрвин. Он даже не счел нужным сообщить мне условия вашего договора.

– Ваша светлость, отец предполагает, что если брак вашей дочери устроится, как запланировано, то леди Аланис, как и подобает жене, станет поддерживать своего мужа во всех его начинаниях.

– Разумеется.

– И, вероятно, владычица Аланис станет преданной сторонницей императорских реформ, рельсового строительства. – Эрвин делает паузу и добавляет с ударением: – Всеобщего налога с земель…

Герцог Айден хмурится.

– Милорд, вы сбиваете меня с толку. Разумеется, став императрицей, Аланис поддержит реформы! Как и я, и ваш отец, и герцогство Надежда. В этом и состоит суть нашего соглашения. Вы намерены утомлять меня пересказом действующих договоренностей?

Я пытаюсь выяснить детали этих соглашений, ведь отец держит меня в неведении. Сейчас я узнал, что в коалицию входит также Надежда. Но это не главное. На самом деле меня волнует то, какую цену вы обещали отцу за его поддержку.

– Ваша светлость, последнее, чего мне хотелось бы, – это утомлять вас пустыми разговорами. Но та часть закона о реформах, которая посвящена всеобщему налогу, беспокоит моего отца. И чем дальше, тем больше. Ваша светлость должны понимать, что окраинное расположение Ориджина ставит его в незавидные финансовые условия, и нововведенный налог жесточайшим образом усугубит дело.

Вспышка гнева искажает благородные черты лица Айдена.

– Милорд, это было ясно оговорено! Когда Аланис наденет корону, я добьюсь для Ориджина освобождения от налогов на все время ее правления! Ваш отец изволит ставить под сомнение мое слово?!

Ага, мы добрались до сути! Вы обещали отцу освобождение от налога в обмен на его слово в поддержку Аланис. Точнее – в обмен на его отказ поддержать любую другую императрицу. Аланис проживет еще никак не меньше пятидесяти лет, и избавление от подати на все это время кажется щедрым даром… но лишь на первый взгляд. Налог будет введен будущей осенью, сейчас мы не платим его – и все равно едва сводим концы с концами. По сути, первый советник императора обещает нам всего лишь сохранение нынешнего положения дел! Иными словами, мы будем год от года беднеть, как беднеем сейчас… а Айден Альмера тем временем усадит дочь на престол. Наши выгоды несоизмеримы, и я хочу это исправить.

– Ни в коем случае, ваша светлость. Ваше слово нерушимо, это знает каждый. Но мой отец сомневается в том, что свобода от подати на годы правления леди Аланис спасет казну герцогства Ориджин.

– Было бы абсурдно обещать больший срок, и ваш отец это прекрасно понимает!

– Я имею в виду не больший срок без налогов, а некоторые… дополнительные привилегии.

Проверка. Если Айден обещал Десмонду что-то еще, сейчас он об этом скажет.

– Ни о каких больше привилегиях речь не шла, милорд, – сухо отрезал Айден Альмера.

Бедный, бедный герцог Десмонд! Лучший полководец империи Полари, и при этом худший политик. Как же отец умудрился согласиться на подобный договор?! Когда император женится на Аланис, власть герцога Альмеры станет практически неограниченной. Айден Альмера – первый советник государя, его дочь – императрица, его брат архиепископ Галлард – глава Церкви Праотцов. Имея в руках такие инструменты, Айден легко подомнет под себя весь двор. С того момента мы не увидим от Короны никаких милостей и поблажек – мы просто станем не нужны!

Решающий момент – сейчас. Наша сила нужна государю, чтобы провести в жизнь реформы, а первому советнику – чтобы выдать дочь за императора. Если мы хотим спасти свое положение, это нужно делать сегодня!

– Вы правы, ваша светлость, – говорит Эрвин, – о других привилегиях прежде речь не шла. Однако сейчас…

– Ваш отец намерен изменить условия договора? Я не ослышался?!

Отец – нет. Но с вами говорит не мой отец, а я.

– Великого Дома Ориджин достигли слухи, что герцогству Надежда вы обещали более щедрую благодарность.

Это выстрел наугад. На самом деле Эрвин ничего подобного не слышал, да и о самом участии Надежды в тайной коалиции узнал только что. Но Надеждой правит Генри Фарвей – старый хитрец и политический соперник Айдена Альмеры. Чтобы купить его лояльность, Айдену наверняка пришлось раскошелиться. Иное дело – простодушный отец Эрвина…

Выстрел попадает в цель: морщины на переносице герцога Альмеры становятся глубже.

– Милорд, ваш отец должен понять. Надежда давно добивается у Короны права на постройку искровой плотины, я не могу вечно сдерживать их. Рано или поздно они все равно получили бы желаемое. Я обещал им лишь сократить срок ожидания.

Искровая плотина! Эрвину стоило большого труда скрыть негодование. Айден обещал Надежде искровую плотину! Это значит – всплеск жизни: мастерские с искровыми станками, мощные плавильные печи, рельсовые дороги, освещенные города! А родной Ориджин за ту же самую услугу получит… ничего? Право и дальше прозябать в нищете?!

– И тем не менее – искровая плотина, ваша светлость!

– Милорд Эрвин, мне совершенно не по нраву ваш тон. Надежда располагает рекой, удобной для постройки плотины. Горные реки Ориджина мало отвечают такой цели. Вы намерены обвинить в этом меня?

– Нет, ваша светлость… – Эрвин медлит, глядя в лицо лорду Айдену. Возникает ощущение, что Айден темнит, умалчивает о чем-то. Возможно, Надежде обещано нечто большее, чем лен на плотину.

– Что-нибудь еще, лорд Эрвин?

– Да, ваша светлость. Великий Дом Ориджин осознает сложности возведения плотины на северных реках. Поэтому мы не ведем речь о ней, но все же вынуждены напомнить: одна лишь свобода от подати не исправит того положения, которое мы очень хотели бы изменить.

– И чего же вы хотите?

Пора выбрать: дальше темнить, пытаясь выведать еще подробности, или сказать напрямую. Лорд Айден умен, вряд ли удастся вытянуть больше, чем уже удалось. Музыка продолжает греметь, Эрвин наклоняется к уху правителя Альмеры и произносит:

– Мы хотели бы…

Он сообщает, чего хочет.

Герцог Айден просит повторить, и Эрвин повторяет.

– Ваш отец лишился рассудка! – выдыхает Айден в ответ.

Отец? Нет, отец понятия не имеет об этом разговоре. Приз, который я назвал, – лично мой приз. Мой план спасения, мой способ вытащить из пропасти свое семейство.

– Мне следует дословно передать ваш ответ герцогу Десмонду Ориджину? – чеканит слова Эрвин. – Сообщить ему, что, по вашему мнению, он лишился рассудка?

– Сообщите ему, милорд, – цедит сквозь зубы Айден, – что он дал мне слово. Он обещал мне свою поддержку, а я обещал ему свободу от налогов на время правления Аланис – и ничего больше. Если герцог Десмонд Ориджин желает взять назад свое слово, то пусть скажет мне об этом лично.

– Ваша светлость, – кланяется Эрвин, – жаль, что вы не пошли нам навстречу.

Он держит долгую-долгую паузу, давая Айдену время распробовать угрозу на вкус. Пусть ощутит, каково это – иметь во врагах двадцать тысяч лучших мечей Империи. Пусть поразмыслит, взвесит, чего стоит его коалиция без непобедимого Ориджина. Пусть выносит на языке и процедит сквозь зубы три слова: «Постойте, лорд Эрвин».

Айден молчит, не сводя с Эрвина ястребиных глаз.

Ну же! Давай, скажи! «Постойте, лорд Эрвин, продолжим нашу беседу…»

Айден молчит.

И вдруг с неожиданным азартом Эрвин думает: а нет – так даже лучше! Давай, молчи дальше! Промолчи, и я найду способ обойтись без тебя. Я сам возьму свой приз, и это будет лично моя заслуга. Не твоя, герцог Айден Альмера, и не отцовская. Я дам Северу то, чего не смог дать великий Десмонд Ориджин!

Айден молчит.

– Ваша светлость, – говорит Эрвин, – мой отец никогда не отказывался от своих слов. Уверен, данная ситуация не станет исключением. Простите, что потревожил вас.

Откланявшись, он отворачивается и тогда позволяет улыбке появиться на устах.

– Милорд… милорд!

– А?..

Эрвин удивленно осмотрелся. Оказалось, он сидел за складным столиком с пустой чашей в руке, за пределами колечка света от масляной лампы царила непроглядная темень, ночной холод пробирался под одежду. Луис Мария протягивал к нему руку, но не решался потеребить.

– Милорд, простите, я подумал, что вы уснули. Костер почти угас, прикажете ли послать еще за дровами?

– За дровами?.. Нет, с чего бы. Ночь уже. Идите спать!

– Да, милорд. Благодарю за приглашение к ужину!

– Прекрасная вышла беседа, господа, – сказал Эрвин, не слышавший и половины разговора. И отправился в свой шатер с чувством приятно проведенного времени. Как ни странно, вполне терпимый вышел вечер.

На рассвете он проснулся от холода и острой рези в горле. «А вот и простуда», – без тени удивления отметил Эрвин и пошевелился, проверяя остальные болячки. Все на месте: спина деревянная, бедра ноют, шумит голова. Да здравствует новый день походной жизни.

Эрвин София Джессика влил в себя несколько глотков орджа, собрался с духом и принялся одеваться, дрожа от озноба.

Искра

24 марта – 7 мая 1774 г.

Графство Нортвуд – герцогство Южный Путь – Земли Короны

Рассвет, мгла, закат. Рассвет, мгла, закат. Рассвет, мгла…

В один из этих сумеречных дней Мира похоронила отца.

После похорон она осталась в Стагфорте на ночь и еще на одну. Кто-то говорил ей, что родные стены помогают пережить горе. Это оказалось ложью. Родные стены пахли невозвратным счастьем, каждый камень напоминал об отце. Среди них Мире хотелось выть от одиночества.

Рассвет, мгла, закат.

Девушку ожидало долгое путешествие в столицу, на котором так настаивала графиня Нортвуд. Мира не противилась. Оставаться в родном доме стало невыносимо. Она собрала вещи, их оказалось немного: одежда и обувь, три любимых книги, мешочек серебряных монет, отцовская шкатулка с бумагами. Там хранились грамоты о пожаловании рыцарства и чина, запись о браке, старые письма. Зачем Мира взяла их – она не знала в точности. Возможно, она увидит императора. Возможно, владыка захочет узнать, каким человеком был его верный подданный сир Клайв.

Рассвет, мгла.

В Клыке Медведя она попрощалась с Мавериком, осторожно тронув за лапу. Цепочка экипажей и всадников выкатилась из замковых ворот и двинулась от столицы Нортвуда на юг по Торговому тракту. За окнами потянулись бесконечные леса. Сумрак и сырость; папоротник, мох и хвоя; ряды исполинских сосен – залог морского могущества Севера. Однажды налетел ливень со шквальным ветром. Процессия остановилась, всадники спешились, кутаясь в плащи. Небо было черно, сосны скрипели, раскачиваясь. Одуревший от страха заяц метался среди деревьев. Капли гремели по крыше кареты, вода заливала стекла, казалось, экипаж идет ко дну.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.